

ДЭНИС АЛЛЕН
Его сильные
руки



Дэнис Аллен

Его сильные руки

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151761

Arms Of A Stranger, 1995: ACT; Москва; 2002

ISBN 5-17-014721-X

Оригинал: AllenDanice, “Arms of a Stranger”

Перевод:

О. Г. Качковский

Аннотация

Женихи буквально преследовали юную великосветскую красавицу Энни Уэстон. Однако, втайне мечтая стать женой настоящего мужчины, она не просто отвергла всех поклонников, но и бежала в далекий, опасный, магически-притягательный Новый Орлеан.

Туда, где любовь – по-прежнему высшая ценность жизни. Туда, где страсть – по-прежнему суть и смысл бытия. Туда, где неотразимый креол Люсьен Делакруа готов вновь и вновь покорять сердце Энни. Покорять ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	87
Глава 6	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Дэнис Аллен

Его сильные руки

*С теплой признательностью моей мачехе
Симоне Аллен.*

*Спасибо за мой первый компьютер и за то, что
у тебя хватило смелости приехать в Америку сорок
лет назад.*

Глава 1

Сентябрь 1841 года

– Разве это не рай, дядя Реджи?!

Энни облокотилась на поручень и залюбовалась береговым ландшафтом Миссисипи, в то время как пароход медленно покидал спокойные воды бухты Мобил. Сразу за мысом находился Билокси, а значит, к завтрашнему утру они должны высадиться в Новом Орлеане. Лучи заката окрасили леса на дальних островах в ярко-розовый цвет, их отражение в воде становилось розовато-лиловым с золотистым оттенком. Гигантское гребное колесо в успокаивающем ритме вспенивало воду, и воздух на палубе наполнялся прохладной влагой. Легкий ветерок играл светлыми прядями, выбившимися из-под шляпки Энни.

С тех пор как она, дядя Реджи, тетя Кэтрин и несколько

слуг отплыли из Дувра, прошло несколько недель, и после прибытия в нью-йоркскую гавань они продолжили путешествие, сменив три парохода. В Чарлстоне они поднялись на борт «Бельведера», комфортабельного трехпалубного речного судна. На его огромных дымовых трубах красовались изображения золотых корон. Пароход выглядел как роскошный плавучий отель, в котором постоянно меняется вид из окон.

– Должен признать, Энни, что издали на все это смотреть приятно, – нехотя подтвердил Реджи. – Однако меня пробивает дрожь от сознания того, какие дикие звери и рептилии обитают в этих лесах.

– Не будь таким робким, Реджи, – проворчала Кэтрин грудным, властным голосом. – В каждом раю должен быть свой змей.

Сопровождавшие Энни родственники застыли возле нее и выглядели как фигуры на искусно украшенных переплетках массивных фолиантов. При том что сама она была чуть выше среднего роста, ей приходилось запрокидывать голову, чтобы посмотреть им в глаза. В свои шестьдесят два Реджи был еще довольно стройным, энергичным и держался с достоинством. У него были седые, с металлическим отблеском волосы, усы, отвисшие, как у моржа, и крупный нос, на котором несколько странно смотрелись маленькие круглые очки. Он приходился родным братом отцу Энни, оставался холостяком и всю свою жизнь прожил с их семьей в Уэстон-Хол-

ле в Суррее. Она и четверо старших сестер души не чаяли в старом суетливом дядюшке, и он, со своей стороны, с живейшим интересом принимал участие в их делах.

Кэтрин, в своей скромной шляпке, казалась ничуть не ниже Реджи. Несмотря на некоторую угловатость, скрашиваемую пышной грудью, ее можно было бы назвать привлекательной. Высокий лоб, пронзительный взгляд серых глаз, заостренные черты лица придавали ей определенный шарм. Она всегда держалась подчеркнуто прямо и обычно сжимала в левой руке трость из вишневого дерева, но не потому, что в ней действительно нуждалась, а скорее для того, чтобы произвести устрашающее впечатление на окружающих.

Кэтрин, сестра матери Энни, считалась в семье особой эксцентричной. Она пережила трех мужей-американцев, с последним из них, банкиром из Нового Орлеана Сэмюэлом Гриммсом, познакомилась в Африке во время сафари. Кэтрин одевалась строго и просто, но весьма элегантно, считая перья и ленты для шляп неподходящим украшением для женщины, возраст которой склоняется к пятидесяти.

Она получила прекрасное образование, обладала природным умом и была крайне самоуверенна. Кэтрин и Реджи не ладили с момента отплытия из Англии, а по большому счету с тех пор, как впервые встретились. Раз в несколько лет Кэтрин приезжала из Америки, чтобы повидаться с английскими родственниками, и всякий раз, когда они с Реджи были вынуждены проводить время вместе, их взаимная непри-

язнь вспыхивала с новой силой.

– И еще, полагаю, в каждом раю должна быть своя Ева с острым язычком, искушающая Адама съесть запретный плод, – ответил Реджи, раздраженно дернув себя за ус.

– Простофиля! – Кэтрин стукнула тростью по надраенной до блеска палубе. – Ева делала только то, что было необходимо! Она не могла всю жизнь мириться с равнодушием человека, вечно слезливого и не задающего вопросов! Адам и Ева никогда не заселили бы землю потомками, если бы не заметили наконец, что наги, как сойки, и не осуществили бы... – она неопределенно махнула тростью, – акта зачатия! Ева открыла Адаму глаза, заставила взглянуть на реальный мир, Реджинальд, что и я теперь делаю для Энни.

– А я был воспитан с представлением о том, что женщина должна быть защищена от «реального мира»! – заявил Реджи, снова дернув себя за кончик уса.

– Я знаю, что ты считаешь меня Евой из этого самого Эдема, – продолжала Кэтрин, пропустив мимо ушей реплику Реджи. – И полагаешь, что я забираю Энни из райского сада в Вавилон. Но, Боже мой, Реджинальд, ей уже двадцать три! Она давно не ребенок!

– Спасибо, тетя, – натянуто пробормотала Энни.

– Ей довелось уже повидать кое-что и за пределами Уэстон-Холла, когда во время лондонского сезона вокруг нее крутились молодые щеголи, считавшие себя мужчинами, вся мужественность которых проявлялась в умении кривляться

и позировать перед зеркалом. Клянусь, я не понимаю, как она выносила все это в течение целых пяти лет.

Энни заметила, как Реджи напрягся. Он считал частые нападки Кэтрин на британских мужчин в высшей степени непатриотичными.

– Прошу тебя, тетя Кэтрин, – взмолилась Энни. – Ты же знаешь, что Реджи не любит, когда ты злословишь по поводу сильной половины наших соотечественников.

– Черт побери, это достойные мужчины! – вмешался Реджи. – Храбрецы до мозга костей. Щеголи не в состоянии уничтожить такое чудовище, как Наполеон, знаете ли.

– Энни сама нелестно отзывалась о них, и не спорь, племянница! Она сказала, что хочет поехать в страну, где мужчины похожи на мужчин, а не на подхалимов, проживающих отцовские деньги или состояния своих жен. На мужчин, у которых есть цель в жизни и занятие поважнее, чем держать пари, волочиться за женщинами, распускать сплетни и танцевать до упаду.

Реджи бросил на племянницу косой взгляд из-под нависших бровей, и Энни пришлось объяснить:

– Я не хочу сказать, что все английские мужчины сделаны из мишуры, дядя, но те, с кем я познакомилась во время сезона, были крайне легкомысленными. Казалось, их больше занимал покрой сюртука, чем какие-либо мужественные мысли.

– Ты не можешь обвинять молодого человека в том, что

он хочет предстать перед тобой во всей красе, племянница. Готов поклясться, что ты первая отвергнешь того, кому безразлично, как он выглядит. Тебе просто не захочется показаться на людях с таким типом!

– Речь не об аккуратности и необходимости за собой следить, – серьезно возразила Энни. – Этого следует требовать и от мужчин, и от женщин. Но по-моему, между тем, сколько в костюме мужчины оборок, тесьмы и кармашков для часов, и тем, сколько серьезных, оригинальных мыслей приходит в голову, существует прямая связь. Чем больше мишуры в костюме мужчины, тем менее содержательна его личность. Исходя из собственного опыта могу сказать, что эта теория имела неоднократное подтверждение.

– В таком случае странно, что ты решила искать мужа в Новом Орлеане, – не унимался Реджи. – Насколько мне известно, мужчины-креолы до безумия любят заключать пари, волочиться за дамами, сплетничать и танцевать.

– Она решила искать мужа в Новом Орлеане, потому что я здесь живу и других родственников в Америке у нее нет, – сказала Кэтрин, глядя на Реджи как на полного дурака. – Ее причины очевидны и резонны. Где еще искать мужа, как не в Новом Орлеане? Я готова признать, что и среди креолов встречаются поверхностные типы, с которыми Энни придется иногда встречаться и проводить время, но в городе полным-полно и настоящих мужчин. Уж мне ли не знать... я сама нашла троих. Лучшее, что я сделала в жизни, – это то,

что уехала из Англии.

Если у Реджи и было желание саркастически возразить на последнее ее замечание, то он разумно подавил его и молча смотрел прямо перед собой, строго поджав губы. Энни была признательна ему за это. По собственному опыту она знала, что споры между двумя ее родственниками могут длиться часами.

– Дядя, – она обняла Реджи за плечи и склонилась к нему, – знаешь, о чем я подумала в связи с библейской темой? Ты – мой ангел-хранитель, посланный на землю, чтобы уберечь от грехов и змей, которыми кишит Луизиана.

– В этом есть большая доля истины, – смягчившись, ответил он. – Твои родители никогда не решились бы отпустить тебя, если бы мы не поехали с тобой.

Кэтрин, которая всегда держала ухо востро, тут же вмешалась:

– Энни не нужно было разрешение родителей на эту поездку. Она взрослая женщина, которая сама распоряжается своими деньгами, точнее, состоянием. Опекун ей ни к чему, когда у нее есть я.

Реджи тяжело вздохнул, стараясь мужественно проигнорировать очередной выпад Кэтрин.

– Я счастлив, что могу быть полезен тебе, Энни, – обратился он к племяннице. – И всегда готов таким образом подтвердить свою признательность и уважение к твоим родителям. Видимо, этот год будет самым длинным в моей жизни.

Ты говоришь – рай? Нет уж, скорее, ад.

– Не говори так. – Она ободряюще сжала его руку. – Здесь очень красиво, интересно, столько нового. И жизнь совсем не такая, к какой мы привыкли.

– Вот именно! – буркнул Реджи.

– Все будет хорошо, дядя. Просто мы слишком долго были вместе во время этого длинного путешествия. После приезда на место вам с тетей Кэтрин не придется общаться так подолгу. – Энни почувствовала, что напряжение в его руке несколько ослабело. – Хотя мне действительно не нужно было родительского разрешения на то, чтобы отправиться в Америку, и я вполне могла бы отказаться от твоей опеки. То, что ты поехал со мной, поможет отцу и маме легче перенести разлуку и не так уж сильно беспокоиться обо мне. Я очень благодарна тебе за это.

Реджи перестал хмуриться. Уже в который раз за прошедшую неделю Энни удалось привести в порядок его расстроенные нервы. Впрочем, это не мешало ей мысленно добавить про себя: «Твое присутствие возле меня действительно успокоит родителей, но я все же намерена поступать так, как хочу».

В надежде, что передышка в перепалке Реджи и Кэтрин продлится подольше, Энни снова обратила внимание на прибрежный ландшафт:

– Посмотри на эти прекрасные деревья, дядя Реджи. Капитан называл мне некоторые из них. Вон сикамор, а это

орех пекан, а те, что в цвету...

– Магнолия, – подсказала Кэтрин.

– А испанский мох очень похож на длинную седую бороду старика, правда? А вон те лианы – это...

– Дикая жимолость. Она и придает воздуху такой сладковатый аромат, – сказал Реджи.

– Мне нравится жимолость! – с воодушевлением заявила Энни, чем заслужила искреннюю улыбку дяди.

Убедившись, что к нему вернулось хорошее настроение, она взглянула на тетю с укором, словно хотела сказать: «Почему я должна прилагать столько усилий для того, чтобы поддерживать мир?» Кэтрин лишь пожала плечами и сложила руки на золотом набалдашнике своей трости.

По мере приближения к гавани Билокси движение судов становилось оживленнее. «Бельведер» должен был пополнить там запас дров, чтобы их хватило до Нового Орлеана.

Энни не терпелось дожидаться утра и конца путешествия. Хотя она успела привыкнуть к жизни на пароходе, которая давалась ей легко, как прирожденному мореходу, повседневное однообразие стало навевать на нее скуку. Но вот в поле зрения появился причал, и из пароходных труб вырвались последние столбы дыма. От волнения Энни почувствовала во всем теле легкую дрожь. Каждый заход в порт вызывал в ней такое ощущение. Она безо всякой причины улыбнулась – просто от полноты жизни. Никогда прежде она не была так счастлива.

Люсьен Делакура лениво наблюдал из-под полуопущенных ресниц за тем, как «Бельведер» полз вдоль пристани. Весь вид Люсьена выражал полнейшую скуку, хотя на самом деле он был обременен массой дел. Цель его приезда в Билокси – купить новую упряжку для своего городского экипажа. Но, совершенно случайно узнав, что Шарль Боден перевозит на пароходе семью рабов, которую накануне приобрел на аукционе, Люсьен сразу изменил планы: отослал экипаж домой и взял билет на «Бельведер», чтобы вернуться в Новый Орлеан. Если бы его попросили назвать истинную причину такого поступка, ему пришлось бы признаться, что это он сделал потому, что был страстным поклонником *rotpranoe creme*, фирменного блюда повара «Бельведера». И никто не усомнился бы в том, что для известного гурмана и любителя наслаждений Люсьена Делакура такая причина вполне основательна.

Да, вон и они. Боковым зрением Люсьен увидел Бодена и двух его рабов, пользующихся особым доверием хозяина, которые вели по причалу группу негров. Люсьен не смотрел прямо на них, тем более что от него этого никто и не ждал – странно было бы проявлять повышенный интерес к плантатору и его новой покупке. Однако относительно этого конкретного плантатора у Люсьена были свои планы – он не дол-

жен был позволить ему добраться домой со своим приобретением. И Ренар, он же Лис, позаботится об этом.

Люсьен сосредоточил все внимание на пароходе, приняв, насколько возможно в таких обстоятельствах, непринужденную позу. Он невольно напрягался каждый раз, когда оказывался поблизости от Бодена. Шарль Боден был близким другом его отца, но Люсьен его ненавидел. Еще мальчишкой Люсьен на собственном опыте убедился, насколько жестоким и безнравственным был этот человек.

В большинстве своем соседи равнодушно относились к тому, как бесчеловечно Боден обращается со своими рабами, но Люсьен по своим конфиденциальным источникам узнавал обо всех совершенных им убийствах и изнасилованиях. И эти многочисленные истории лишь распаляли в его душе ненависть, которую он испытывал к Ббдену с детства. Поэтому Люсьен готов был пойти на что угодно, чтобы вырвать из грязных лап Бодена новую семью рабов. Терять этим рабам было нечего, а приобрести они могли многое. Риск, связанный с побегом, не шел ни в какое сравнение с теми ужасами, которыми грозила им жизнь в поместье Бель-Флер.

Взгляд Люсьена равнодушно скользил по немногочисленным пассажирам, стоявшим на палубе. И вдруг глаза его удивленно расширились, а во взгляде появилось любопытство. Под конвоем двух пожилых людей – неизвестного ему мужчины и Кэтрин Гриммс, которая возвращалась из Англии от своей сестры, на палубе стояла очень интересная мо-

лодая женщина.

Люсьена, привыкшего к восковой, цвета магнолии, бледности креолок и разным оттенкам коричневого в лицах негритянок, поразили золотисто-медовые волосы и светлая кожа изящной незнакомки, на которой была соломенная шляпка с желтыми лентами. Видимо, она игнорировала предостережения старших и подолгу находилась на солнце. Поэтому ее щеки хоть и не загорели, но по цвету напоминали чуть тронутый солнцем персик, а волосы, светлые и блестящие, как английский соверен, обрамляли лицо и, вероятно, на затылке были стянуты узлом.

Она была в шелковом дорожном платье соломенного цвета, приталенном, с юбкой куполом, небольшим вырезом, кружевным воротничком и длинными узкими рукавами. Талия казалась такой тонкой, что Люсьен невольно задумался о том, в какой мере ей приходится прибегать к помощи корсета, чтобы добиться такого результата.

Ее одежда была модной и современной, но не без налета некоторого консерватизма. Очевидно, не разделяя философию современных англичанок, считающих, что тихая, анемичная беспомощность – это то, что больше всего привлекает мужчин, она просто сияла, глядя по сторонам и не скрывая своего восторга. В каждом ее жесте, движении чувствовались страсть и энергия. Вид этой пассажирки взволновал Люсьена. Она чем-то напоминала фейерверк в ожидании искры. Счастлив будет тот мужчина, который сможет эту искру

высечь и насладиться прекрасным взрывом.

К сожалению, поскольку молодая леди была, очевидно, гостьей Кэтрин, а он не осмеливался открыто проявлять свою дружбу с такой отчаянной реформисткой, как Кэтрин Гриммс, у него вряд ли будет возможность пообщаться с незнакомкой, помимо кратких встреч в обществе. А он с большим удовольствием познакомился бы с этой женщиной поближе возле уютного камелька в гостиной Кэтрин. Интимная беседа могла бы послужить поводом для флирта или дружбы. Однако дружба предполагает необходимость делиться мыслями и тайнами, а для Люсьена это было невозможно. Ему слишком многое приходилось скрывать. Если бы он открыл кому-нибудь свои истинные мысли и чувства, то подверг бы опасности и свою, и чужие жизни.

Впервые в жизни Люсьен пожалел о том, что не имеет возможности хотя бы стать другом этой привлекательной женщины. Впрочем, он понимал, что незнакомка, очаровавшая его, даже не перемолвившись с ним словом, вполне может оказаться такой же духовно бедной и интеллектуально пресной, как большинство знакомых ему незамужних девиц.

Люсьен решил, что, как только окажется на борту парохода, постарается познакомиться с ней через Кэтрин и выяснить, достойна ли она его внимания. Ему, как всегда, придется играть свою привычную роль – повесы, светского щеголя, которого за глаза называют Денди Делакруа. Любопытно, какой девушке под силу пробудить интерес к себе в та-

ком негодые, как он?

* * *

Энни всегда старалась быть на палубе, когда пароход медленно подходил к причалу. Ей нравилось наблюдать за суетой в порту, ящики и корзины сгружали с телег на землю, а потом тачками переправляли по узким сходням на суда; пассажиров встречали и провожали родственники; бродячие музыканты играли для публики в надежде, что какой-нибудь щедрый меломан бросит им монету.

Но иногда то, что она видела повсеместно – и на пароходе, и на причалах, – омрачало ее радость и внушало беспокойство. Это прежде всего рабы. Конечно, она знала, что рабство существует. Ей рассказывала об этом гувернантка мисс Бишоп на уроках географии и истории. Подобно большинству людей, которые непосредственно не сталкивались с рабством, она еще тогда сочла это явление аморальным и перестала им интересоваться. Но одно дело – знание теоретическое, а другое – его практическое подтверждение, которое проходит перед глазами.

Однако чаще всего рабы производили впечатление вполне счастливых людей. Они дружно пели за работой и ходили без наручников и кандалов, но Энни не могла забыть припев песни, которую слышала на причале в Чарлстоне, когда «Бельведер» покидал порт:

Ночь темна, долог день,
А дом наш очень далек.
Плачь, брат мой, плачь.

Они повторяли эти слова снова и снова, пока Энни не почувствовала, что готова расплакаться. Теперь она увидела на пристани группу рабов, связанных друг с другом веревкой за шею. Похоже, это была одна семья: высокий мужчина и женщина, оба невероятно худые, три мальчика-подростка и девочка, совсем еще ребенок, с маленькими грудками, едва проступающими под тонкой рваной рубахой.

Девочка была хорошенькая и, несмотря на всклокоченные волосы и потрепанную одежду, привлекала плотоядные взгляды мужчин, прогуливающих по пристани. Девочка пугалась такого внимания и сутулилась, опустив глаза. Энни так рассердило это зрелище, что она прикусила до крови губу и почувствовала во рту ее солоноватый привкус.

– Неслыханно! – возмутилась Кэтрин, с силой ударяя тростью в пол. – Наверняка они из разорившегося поместья, а не то были бы одеты получше.

– Это семья? – обернулась к ней Энни.

– Похоже, да.

– По крайней мере они останутся вместе. – Энни ухватилась за такое предположение как повод для оптимизма. – Должно быть, это ужасно, когда человека разлучают с его семьей, не оставляя надежды на встречу.

– Боден предпочитает не разделять семьи, хотя руководствуется отнюдь не гуманистическими принципами. Покупать рабов семьями дороже, но зато они реже убегают. А поскольку поиск сбежавшего раба тоже стоит денег, он считает такие сделки более выгодными.

Энни вгляделась в белого человека, который сидел на скамейке около рабов. На вид ему было лет сорок, высокий, крупный лысеющий господин, одетый в черный вечерний костюм и ослепительно белый жилет.

– Ты знаешь его, тетя Кэтрин?

– К несчастью, да, – хмыкнула та. – Так что мне придется раскланяться с ним, когда он поднимется на борт. Мистер Гриммс пару раз имел дело с Боденом – это редчайший случай, когда креол пересекает Кэнэл-стрит, чтобы положить деньги в банк американца. Мистер Гриммс не мог отказаться от такой операции, желая расшевелить других деловых людей и побудить их вкладывать деньги в американскую банковскую систему. Мистер Гриммс, как и я, питал отвращение к социальной сегрегации, которой привержены многие узкомыслящие креолы и американцы. Однако Боден не из тех креолов, с которыми я захотела бы иметь какие-либо отношения, деловые или личные. Он... – Кэтрин прищурилась, – он не очень хороший человек.

– Мне тоже не нравится, как он выглядит, Энни, – вмешался Реджи, хмуро разглядывая Бодена. – Держись от него подальше.

– Хорошо, я так и сделаю, – с готовностью кивнула Энни.

Кэтрин отошла на несколько шагов, очевидно, чтобы поздороваться с кем-то из знакомых, только что поднявшихся на борт, а Реджи добавил взволнованно:

– Я хочу, чтобы ты общалась с лучшими представителями новоорлеанского общества, а не с оппортунистически настроенным сбродом, с которым тебя, возможно, захочет познакомиться твоя тетя!

– Дядя Реджи, ты же знаешь, что тетя сама достаточно состоятельна, – с улыбкой покачала головой Энни. – С чего ты взял, что она знает ся со всяким сбродом?

– У твоей тетки было более чем скромное приданое, – едва шевеля губами, как конспиратор, вымолвил он. – Ее нынешнее состояние велико потому, что она сначала добивалась для себя приличной доли в завещании каждого из своих мужей... – он искоса через плечо бросил взгляд на Кэтрин, – а потом сводила их в могилу!

– Как ты можешь быть настолько несправедлив к ней! – рассмеялась Энни. – Каждый из ее мужей добивался успеха в жизни своими собственными силами. Она помогала им стать богатыми и, значит, заслуживает своих денег. Я считаю тетю образцом для подражания. По-моему, очень романтично помочь любимому мужчине найти свое место в жизни, а не просто материально поддерживать его своим приданым, чтобы он мог целыми днями торчать в «Уайте» и «Будлс»!

– В борьбе с нищетой нет ничего романтического, – упря-

мо возразил Реджи. – Это чертовски скучно и обременительно. А что касается Кэтрин, то я вижу более достойные примеры для подражания. Она не настоящая леди! У нее такой резкий голос, который напоминает скорее крик дикобраза, свалившегося в куст шиповника! А эта ужасная трость, которой она постоянно тычет в лицо людям...

– Что такое? Я слышу, что меня поминают, и вряд ли с добрыми намерениями, не так ли? – Кэтрин постучала тростью о пол у них за спиной. Энни и Реджи одновременно, как по команде, обернулись. – Позвольте представить вам мистера Люсьена Делакруа. Моя племянница, почтенная мисс Энни Уэстон. А этот джентльмен... – она взмахнула набалдашником трости перед самым носом Реджи, – ее дядя с отцовской стороны. Никакого кровного родства со мной, как вы понимаете. Мистер Уэстон, мистер Делакруа.

Прежде чем Энни успела как следует рассмотреть мужчину, он низко поклонился и, взяв ее за руку, прикоснулся губами к кончикам пальцев. Она молча глянула на его черные волнистые очень густые волосы.

Джентльмен бросил на нее лукавый взгляд из-под таких же, как и волосы, черных и густых ресниц, чем вывел Энни из задумчивости и смутил ее. Они едва успели познакомиться, а он уже начинает флиртовать! Энни наблюдала, как он выпрямился и пожал руку Реджи, пробормотав что-то подобающее случаю. Никогда прежде она не видела такого божественно красивого мужчины.

Мистер Делакура был довольно высок и одет в великолепно сшитый черный сюртук и узкие брюки, которые выгодно подчеркивали его высокую, атлетически сложенную фигуру. На шее и запястьях виднелось ровно столько белоснежных кружев, сколько было достаточно для того, чтобы придать облику налет континентального изящества, весьма популярного среди креолов. Он носил намного меньше колец и драгоценностей, чем типичный английский джентльмен: по два массивных кольца на каждой руке и несколько золотых цепочек на жилете. Молодой человек выглядел несколько вызывающе, но не был лишен вкуса. Несколько броский костюм не умалял его мужественности, некоторое количество кружев и золотого сияния подчеркивало его очарование.

Энергичный джентльмен снова обратил внимание на Энни и, приподняв черные как смоль брови, надменно разглядывал ее. Оказалось, что глаза у него миндалевидные и по цвету напоминают горячий шоколад, а губы полные, но в то же время четко очерченные. В этот момент в уголках губ у него заиграла лукавая улыбка.

Эта улыбка и оценивающий взгляд из-под полуопущенных ресниц убедили Энни в том, что перед ней человек высокомерный и тщеславный. Похоже, ее теория относительно денди обещала подтвердиться еще раз. Энни украдкой бросила смущенный недоверчивый взгляд на Реджи. Его глаза и чопорная фигура как бы давали понять: «Ну, что я тебе говорил!»

Глава 2

– Mon Dieu!¹ Неужели эта очаровательная женщина – ваша племянница, мадам?

Голос у Делакруа оказался низким, а легкий французский акцент придавал его речи определенный шарм. Манера же произносить слова с подчеркнутой медлительностью Энни не понравилась, потому что напонила лондонских кавалеров.

– Именно так, – сдержанно подтвердила Кэтрин.

– Я не улавливаю ни малейшего сходства, – сказал он, изображая удивление, причем лукавая ухмылка стала еще откровеннее. – Неужели вы родственники?

– Если вы пытаетесь сказать комплимент девушке, Делакруа, постарайтесь не оскорблять им же меня, будьте любезны! – Кэтрин сердито стукнула тростью о пол.

– Мадам, как вы могли подумать, что я намерен оскорбить вас? – хмыкнув, заявил он притворно обиженным тоном. – Просто вы с племянницей совершенно разные. Она тонка и изысканна, как экзотический цветок, а вы... – он склонил голову набок, якобы пристально изучая Кэтрин, – вы стройны и тверды, как элегантный кипарис. Вы обе прекрасны, но по-разному.

¹ Мой Бог! (фр.)

В ответ Кэтрин лишь снова стукнула тростью о пол, как будто целясь в мысок лакированного ботинка Делакруа. Он на всякий случай отодвинулся от Кэтрин, чтобы избежать травмы и вплотную заняться Энни.

– Простите меня за дерзость, мисс Уэстон, но на кого из своих счастливых родственников вы похожи?

– Я не извиню вас за дерзость, мистер Делакруа, – сухо отозвалась Энни. – Прощение возможно лишь тогда, когда раскаяние искренно. А вы неискренни. Вам доставляет удовольствие быть дерзким.

Неподдельное удивление, отразившееся на лице Делакруа, было достойной наградой Реджи, который не жалел сил на пространные лекции о хороших манерах. Делакруа быстро собрался с мыслями и шутливо погрозил ей пальцем:

– А! Я вижу, что не только мне доставляет удовольствие быть дерзким.

– Я чем-то обидела вас, сэр? Надеюсь, что нет, – небрежно отозвалась Энни. – Мне бы хотелось оставить о себе хорошее впечатление здесь, в Америке.

– Мадемуазель, вы просто очаровательны, – с галантным поклоном заверил ее Делакруа. – Вам уже удалось оставить прекрасное первое впечатление. По крайней мере у меня. – Он распрямил плечи и провел кончиками длинных пальцев по жилету, привлекая ее внимание к своей широкой груди. После чего, понизив голос и придав ему обольстительный тон, продолжал: – Вы знаете, как сильно бьется мое сердце?

Энни прямо посмотрела ему в глаза, блеск которых, без сомнения, неотразимо действовал на женщин. Она чувствовала, что от смущения ее лицо начинает заливать румянец, вызванный реакцией на щедрые и, вероятнее всего, неискрыенные комплименты. Ей удалось взять себя в руки и ответить, с достоинством приподняв подбородок:

— Что ж, если я одновременно могу быть дерзкой и очаровательной, то лучше я останусь дерзкой. Таким образом легче удовлетворять любопытство, не так ли? Скажите, мистер Делакура, а на кого похожи вы?

— Люди говорят, что я копия своего отца, — охотно ответил он. — В молодости он слыл большим проказником, но теперь, к несчастью, позволил себе отойти от модных веяний. — Люсьен сделал паузу, чтобы поправить кружевной манжет, зацепившийся за одну из многочисленных цепочек для часов. — Он много работает и редко развлекается. А в остальном мы, как говорят американцы, сделаны из одного теста. — Делакура снисходительно усмехнулся. — У американцев столько оригинальных выражений!

— Я ничего не знаю об этом. — Энни выводило из себя то превосходство, с которым держался Делакура, но она заставила себя сохранить улыбку на лице. — Я знаю многих американцев и восхищаюсь ими. Они очень открытые и искренние, предприимчивые и трудолюбивые.

Делакура едва заметно поежился и поднял руку в знак того, что готов уступить. Насмешливо-извиняющаяся улыбка

коснулась уголков его губ.

– Умоляю вас, остановитесь, мадемуазель Уэстон. Вы вынуждаете такого лентяя, как я, сгорать со стыда. Должен признать, что американцы очень уж деятельны. Один лишь разговор с ними для меня подчас утомителен.

– Я знаю, что в Новом Орлеане существует строгое разграничение креольской культуры и того, что называют культурой американской. Но ведь вы все американцы, не так ли, мистер Делакруа? Ведь вы лично воспринимаете себя в равной степени креолом и американцем?

Делакруа стряхнул с рукава муху изящным взмахом руки и ответил с нарочитой медлительностью:

– Вовсе нет, мадемуазель. Но стоит ли обсуждать такую малоинтересную тему? В конце концов, никто из нас двоих американцем не является. Значит, нас это не касается, – улыбнулся он и снова поцеловал ей руку. – Я никогда не встречал американку, которая была бы хотя бы приблизительно так красива, как вы, мадемуазель. Ваши волосы так восхитительно сияют на солнце!

Энни поспешно отняла руку, испугавшись легкой дрожи, которая пробежала по ее пальцам от этого поцелуя. Неужели этот человек ни минуты не может оставаться серьезным? Нет, она все же заставит его говорить о серьезных вещах.

– Скажите, мистер Делакруа, а чем вы занимаетесь?

– О, я очень занятой человек, – усмехнулся он. – Как раз сейчас мои услуги пользуются большим спросом.

Энни кашлянула, будучи не в силах поверить, что он откажется на такие откровенные намеки при всех.

– Э-э... ваши услуги? Какие именно?

– Разные, *ma petite*.² – Он широко улыбнулся, радуясь, что смутил ее. – Для того чтобы прояснить некоторые вещи, должен заметить, что я являюсь наследником плантации сахарного тростника Бокаж, что в окрестностях Нового Орлеана.

– Так, значит, вы...

– Не делаю ничего. – Он беспечно пожал плечами. – А чем там заниматься?

Энни узнала в Люсьене Делакруа такого же бездельника, проживающего наследство, ничего не желающего, ничем серьезным не интересующегося, с какими сотни раз сталкивалась в Лондоне.

– Вы считаете, что управление плантацией не требует труда?

– Разумеется, я так не считаю. Мой отец трудится на ней с утра до ночи.

И даже это было преувеличением. Энни понимала, что у его отца сотни рабов, которые и выполняют всю работу в поместье.

Делакруа пристально смотрел на нее, словно хотел угадать ее мысли. Для такого поверхностного человека желание странное, но следующая его фраза поразила Энни своей проницательностью:

² моя маленькая (фр.).

– Ага, теперь я нашел сходство между вами и вашей тетей! Оно сразу и не заметно. В вашей груди тоже бьется нежное сердце аболиционистки. Вы считаете, что владельцы плантаций занимаются только тем, что эксплуатируют рабов? Вы этого не одобряете? – Он не сводил с нее улыбающихся глаз.

Он предполагал в ней достаточную самонадеянность, чтобы, будучи иностранкой, ни разу не ступавшей на эту землю, осудить здешний образ жизни. Однако Энни повидала достаточно, чтобы иметь право на свое мнение, и не нуждалась ни в чем снисхождении. И все же она воздержалась от ответа.

– Вам не нравится пустая болтовня, мадемуазель? – осведомился Делакура саркастически. – Вы отказываетесь поддерживать беседу, если вам не удастся сразу же проникнуть в самую суть вещей. – Он ослепительно улыбнулся, и Энни почувствовала, как участился у нее пульс. Она постаралась внушить себе, что он просто обаятельный пустомеля, и сердце стало биться ровнее.

– Она похожа на меня, Делакура, – гордо заявила Кэтрин. – Никакой сладкоречивости!

– Понятно, – сардонически кивнул он. – Это, конечно, обворожительно. Хотя я предпочитаю просто поболтать. Только ради того, чтобы закрыть эту не очень удачную тему для беседы, хочу заметить, мадемуазель Уэстон, что мои фамильные корни восходят к первым французским поселенцам, которые появились здесь задолго до испанцев и амери-

канцев. Делакруа – почтенная католическая креольская семья, а наше поместье Бокаж – одно из крупнейших в стране. Как вы считаете, могу ли я при этом придерживаться других взглядов, чем те, которые только что выразил?

– Вы правы, – уверенно отозвалась Энни. – Мне не следовало рассчитывать ни на что другое. Если вы искренне относитесь к этой проблеме иначе, чем я, это ваше дело.

– Я надеюсь, что мы найдем множество других точек соприкосновения, мадемуазель, – сказал Делакруа.

Энни пожала плечами, выражая неуверенность. Судя по тому, что в ответ на этот жест в его взгляде промелькнула заинтересованность, он, видимо, расценил равнодушие собеседницы как призыв к действию. Значит, он снова примется надоедать ей комплиментами и флиртовать, чем вызовет лишь раздражение и отвращение. Ну почему ей так не везет? Почему первый красивый мужчина, которого она встретила в Америке, должен был оказаться точно таким же, как те, от которых она бежала из Англии?

– Однако я заболтался с вами, – сказал он вдруг, опустив руку в беспомощном жесте. Руки у него были красивые – сильные, мускулистые, деятельные, – они странно не подходили этому, казалось бы, никчемному человеку. – Прошу прощения, но на борт поднялся человек, с которым мне необходимо поговорить. – Он быстро оглянулся и снова обратился к Энни: – Позвольте на прощание один совет, мадемуазель. – Не обращая внимания на неодобрительный взгляд

Реджи, Люсьен склонился к самому ее уху, и его дыхание опалило ей щеку. – У вас губы как у ангела. Нежные, как облака, влажные, как утренняя роса. Не стоит сжимать их так плотно, как старая дева – колени. Они созданы не для презрительной усмешки, а для поцелуев.

Энни охватила волна противоречивых чувств. Она была возмущена его нахальным флиртом – да еще в присутствии ее родственников! – и в то же время очарована поэтическим описанием ее губ. Она едва не прикоснулась к ним рукой, чтобы убедиться в том, что они действительно так нежны, как говорит Делакура.

Он же обратился к остальным гораздо менее доверительным тоном:

– Счастлив был повидаться с вами, мадам Гриммс. Рад знакомству, месье Уэстон. Надеюсь, что мы скоро снова встретимся. – Он галантно раскланялся и направился поприветствовать нового пассажира – мистера Бодена.

– Следовало ожидать, что он дружен с таким человеком, – неодобрительно заметила Энни. Боден и Делакура болтали и смеялись, как два давних приятеля, которые долго не виделись. Отвратительно было наблюдать такую непринужденную дружескую встречу на фоне изможденных, осунувшихся лиц рабов. Их вели на нижнюю палубу.

Боден махнул рукой в сторону черной девочки и подмигнул Делакура с недвусмысленным выражением. Энни поняла, что Боден потащит девочку в постель этой же ночью, и

ощутила желчный привкус во рту. Такие мужчины, как Боден, вызывали у нее тошнотворное чувство. Как бы ей хотелось найти способ избавить бедную девочку от жестокой судьбы!

Кэтрин разговорилась с другими знакомыми, и Энни стала пробираться через толпу к противоположному борту парохода, чтобы взглянуть на последние лучи заходящего солнца, которое садилось за дальним островом. За спиной она слышала шаги Реджи, а потом почувствовала, как он, задев ее локтем, рядом облокотился на поручень.

– Дядя Реджи, пожалуйста, не повторяй: «Я же говорил»! – взмолилась Энни. – Очевидно, не все американские мужчины таковы, как этот. В Америке тоже существует проблема снобизма, как и в Англии. И креолы, и американцы считают себя лучше других.

– Да, это правда, – вздохнул Реджи и после паузы добавил: – Странно, что я упоминаю об этом... но действительно не стоит судить обо всех американцах по Делакруа и Бодену.

– Надеюсь, это так, – мрачно улыбнулась Энни. – Какой самодовольный и равнодушный ко всему этот Делакруа! Он ощущает себя самодостаточным и думает, что развлечь женщину можно просто расточая ей улыбки и болтая без умолку. А я не настолько пустоголова, чтобы меня можно было охмурить несколькими милыми словечками.

– Еще бы! – хмыкнул Реджи.

– Вот только эти рабы... – Улыбка исчезла с лица Эн-

ни. — Я не предполагала, что подобная тема так заденет меня. Ведь рабство несправедливо, дядя Реджи! Поразительно, что многие люди, как Воден и Делакруа, считают его нормой.

— Я понимаю тебя, дорогая. — Реджи убрал со лба племянницы выбившийся локон. — Но с этим ничего не поделаешь. А теперь поцелуй своего старого дядюшку, и давай подумаем о вещах более приятных, хорошо?

Энни поцеловала Реджи и постаралась последовать его совету, то есть подумать о другом, однако боковым зрением она все время видела Делакруа и Бодена, к которым подошли другие знакомые. Несколько дам поднялись на палубу и прямоком направились к Делакруа. Жемчужинами рассыпался женский смех, кокетливо порхали веера, румянцем покрывались щеки и хлопали ресницы у дам в ответ на щедро расточаемые Люсьеном комплименты.

У Энни тоже вспыхнули щеки. Насколько глупы эти женщины! Что мог сказать им этот повеса, чтобы так развеселить их? Энни прислушалась, но, к сожалению, ничего не смогла разобрать. Над палубой стоял ровный гул их возбужденных голосов.

Она подняла руку и осторожно прикоснулась к губам. Неужели они так же нежны, как губы ангела?

* * *

Люсьен с завистью смотрел, как Энни Уэстон поднялась

на цыпочки и поцеловала дядю в щеку. Он прикоснулся к своей щеке и попытался представить невесомое давление ее губ на кожу. Отбив наконец женскую атаку, Люсьен продолжал вполуха слушать бессмысленную болтовню Бодена, время от времени вставляя реплики, но в душе предавался горькому сожалению.

В Энни Уэстон было все, что он так высоко ценил в женщинах. Обычно он никогда не говорил с красивыми дамами о серьезных вещах, но Энни сама настаивала на этом. Обмен серьезными мыслями был краток, но его хватило, чтобы Люсьен мог составить представление о ее внутреннем мире. Он узнал в ней человека одухотворенного, разумного, имеющего убеждения, открытого и искреннего, какими она сама считает американцев. Она была идеалисткой и обладала страстной натурой. Более того, эта картина, состоящая из одних достоинств, помещалась в прекрасной золотой раме. Он был заинтригован и впервые в жизни почувствовал страстную влюбленность.

Чувство обиды обострилось до слез. Для нее он был всего лишь флиртующим повесой, легкомысленным снобом, и таким останется в ее глазах навсегда. Он не стремился к тому, чтобы она узнала правду о нем, но какая-то часть его сердца уже отзывалась на ее мысли, особенно на то отвращение, которое она испытывала к институту рабства. Люсьен видел, как Энни склонила голову на плечо Реджи, и пожалел о том, что не его плечо является опорой для ее светлокудрой голов-

ки.

– Делакруа, а не перекинуться ли нам в картишки сегодня вечером?

– Ты знаешь, я никогда не откажусь от партии на борту парохода, – кивнул Делакруа, отгоняя невеселые размышления.

– Или в любом другом месте, – хохотнул Боден.

– Ты отлично меня знаешь, Боден. Значит, сразу после ужина?

– С нетерпением буду ждать.

– Пообедаем вместе?

– Как угодно.

– Значит, договорились. А девчонку побереги на потом, Боден, когда времени будет побольше, чтобы поразвлечься как следует. К тому же еще слишком жарко для постели.

Боден намеревался лишить юную рабыню девственности до обеда, но деньги есть деньги, и ему не хотелось упустить возможность выиграть несколько долларов и перенести время ужина.

– Я вернусь через минуту, – сказал он, надел шляпу и ушел.

Люсьен наблюдал за тем, как Боден, довольный недавней покупкой, важно вышагивал по палубе, предвкушая приятный вечер: вкусный ужин, азартная игра и изнасилование.

«Я тоже с нетерпением жду вечера, свинья, – думал Люсьен. – К тому времени как ты выйдешь из-за игрового стола,

тебя уже не станут держать ноги, и ты будешь мечтать только о том, чтобы добраться до постели. Снотворное, которое Арман по моей просьбе смешал из трав, подкосит тебя. Ты не сможешь не только руки поднять на девочку, но и помещать мне отправить твоих рабов вниз по реке туда, где они обретут свободу».

Он отвернулся и посмотрел туда, где у поручня стояла Энни Уэстон: ее стройная фигура была резко очерчена на фоне заката, прохладный бриз трепал пряди ее волос, и золотистые кудряшки касались щек, когда она смотрела на воду.

Господи, как он ненавидел этот маскарад!

* * *

Энни внезапно проснулась. Поскольку ее камеристка настаивала на том, чтобы выходящее на верхнюю палубу «Бельведера» единственное маленькое окно каюты, которую они делили, было закрытым, то в ней было душно. В полной тишине раздавалось лишь мерное подыхание дымовых труб.

Энни отбросила одеяло и москитную сетку, наподобие балдахина прикрывавшую кровать, и, взяв с ночного столика часы, направилась к окну. Отодвинув занавеску, она поднесла часы к глазам и повернула их так, чтобы при лунном свете разглядеть циферблат: десять минут пятого. Через час рассветет. У нее достаточно времени, чтобы прогуляться по

палубе и освежиться, прежде чем возобновится обычная суета и на борту начнется подготовка к заходу в порт Нового Орлеана.

Трое или четверо матросов должны быть на вахте в рубке, держа курс и высматривая речных пиратов, а остальные члены экипажа и пассажиры спят. Игроки и любители шумных пирушек обычно расходятся по каютам около трех-четырёх утра, а значит, предрассветный час – самое спокойное время на пароходе, когда можно побыть наедине с собой. Энни не приходилось быть в полном одиночестве с тех пор, как они покинули Англию, и от этого можно было спать.

Она обернулась и посмотрела на темный силуэт спящей камеристки Сары, которая свернулась на узкой койке у стены. Энни не заметила никакого движения под москитной сеткой, дышала Сара глубоко и ровно. Она любила поспать и всегда спала крепко. Похоже, эта ночь не была исключением.

Энни набросила легкий бледно-голубой плащ, который полностью скрыл длинную муслиновую ночную рубашку, на тот случай, если она с кем-нибудь столкнется на палубе. Она расплела косу и распустила волосы на полную длину, после чего сунула ноги в мягкие тапочки. Тихонько щелкнув замком, она открыла дверь, ведущую в длинный коридор, и выбралась наружу.

Оказавшись на палубе, где царствовала ночная прохлада и от скольжения судна по воде поднимался легкий ветерок, Энни с наслаждением вздохнула полной грудью. Ободрив-

шись и повеселев, она поспешила к лесенке, которая вела вниз, на вторую палубу. Спустившись по ней, Энни попала в сказочный мир клубящегося предрассветного тумана. Она подошла к поручню и стала смотреть на черную воду, которая урывками проступала в тумане. Легкая рябь дрожала на поверхности в серебристом лунном свете. «Бельведер» шел по каналу в непосредственной близости от таинственных берегов.

Воздух был насыщен густым ароматом мускуса, чего-то приторно сладкого и запахом земли. Скоро птицы должны начать свои утренние серенады. Энни подняла лицо к небу. Ущербная луна почти зашла. Звезды еще сверкали в серой дымке грядущего рассвета, как бриллианты. Как бриллианты... Как бриллианты на кольцах Делакруа.

Делакруа... Она видела его с Боденом в салоне за ужином. Пассажиры рассаживались за столиками, поставленными полукругом в большом, пышно украшенном зале. Со своего места Энни хорошо видела Делакруа и Бодена, которые ужинали вместе. Пили они много. Энни подумала о том, что хорошо бы Боден напился до такого состояния, что не смог бы затащить к себе в постель девочку-рабыню. Если это произойдет, то Делакруа, хоть и непреднамеренно, сделает доброе дело. Энни полагала, что специально подпоить Бодена он не способен.

Было занимательно сравнивать этих двух людей. Боден, по общепринятым стандартам, больше походил на джентльме-

на, но рядом с Делакруа казался вульгарным и грубым. Поведение Делакруа отличалось постоянными парадоксами: при всей своей манерности и изысканности он временами излучал энергию, которая никак не вязалась с его леностью и беспутным образом жизни.

Энни обратила внимание на его ноги, которые торчали из-под стола. Теперь она покраснела, смущаясь и укоряя себя за непристойное любопытство, с которым их разглядывала. Брюки плотно облегали мускулистые ноги, тонкая черная ткань подчеркивала форму каждой мышцы. Откуда у этого бездельника такая сила? Без сомнения, от погони за развлечениями, а не от какого-нибудь полезного занятия.

А руки... Они прекрасны. Делакруа заметил ее, улыбнулся и, приветствуя взмахом руки как хорошую знакомую, застал Энни врасплох и смутил, поскольку в этот момент она совершенно неприлично его разглядывала. Но когда они с Боденом закончили ужин и направились в курительную комнату, Энни разочаровал его уход.

Она тряхнула головой, чтобы избавиться от навязчивых мыслей о Делакруа. Держась за поручень, она двинулась к корме через туман на звук лопастного колеса, поднимающего сверкающие каскады воды. Из трюма, где перевозили скот, грузы и рабов, донеслось протяжное мычание коровы.

Рабы – это люди, но здесь их расценивают иначе и соответствующе относятся к ним – как к животным или ящикам с товаром и провизией. Эта мысль заставила ее вспомнить

о том, почему она возненавидела Делакруа. Любой человек, который использует зависимость другого, чтобы обеспечить себе удобную жизнь, не стоит того, чтобы о нем думать. И уж тем более того, чтобы испытывать к нему вожделение.

Энни едва не расхохоталась вслух. Вожделение? Откуда ей в голову пришла такая мысль?

Она остановилась, облокотившись на поручень. Глядя на туманную речную гладь, она вдруг заметила на нижней палубе темные силуэты людей, которые перелезали через борт и спускались на какое-то странное судно, похожее на плот, — им управляли двое с шестами. Кто-то помогал им перелезть с палубы через поручень.

Рабы пытались бежать! Энни прищурилась и постаралась разглядеть их. О, как бы ей хотелось, чтобы среди беглецов оказалась и та негритянская семья, которую Боден вез к себе, связав людей как обычных преступников! Если они ускользнут до того, как Боден успеет обесчестить девочку, это послужит развратнику хорошим уроком!

Однако ее восхищению этой сценой был внезапно положен конец. Энни почувствовала, как чья-то огромная ладонь зажала ей рот, а сильная рука обхватила талию и стала оттаскивать от поручня. Она испугалась собственной беспомощности, поскольку ее руки были плотно прижаты к бокам. Нападавший обладал недюжинной силой, но действовал аккуратно: не тащил ее по палубе, а медленно отводил подальше от борта, так что она могла пятиться маленькими шажками,

находясь в его объятиях. На удивление обходительный преступник!

Сердце у нее в груди бешено колотилось, мысли в голове перепутались. Куда этот незнакомец ведет ее? Что ему нужно? Она чувствовала, что упирается спиной в мощную грудь, а ягодицами – в крепкие колени. Мужчина крепко прижимал ее к себе, и через тонкий плащ и ночную рубашку, кроме которых на ней ничего не было, Энни ощущала его близость.

Он отвел ее в темный угол под нависающей верхней палубой и прислонился к стене, не отпуская от себя. Энни затылком чувствовала его дыхание, плечами – равномерно вздымающуюся грудь. От него исходило тепло и приятно пахло бренди и сигарами. Теперь, когда первый шок прошел, Энни смогла здраво оценить ситуацию и поняла, что на нее напали не с целью ограбления или изнасилования. Ее удерживали, чтобы она криками не разбудила экипаж и не помешала рабам бежать.

Энни сразу успокоилась и обрадовалась. Ей захотелось сказать этому человеку, что она вовсе не собирается никого предупреждать о побеге и что такой смелый и благородный поступок заслуживает восхищения. Она попробовала пошевелиться, но он лишь крепче сжал ее.

– Не дергайтесь так, – прошептал он ей на ухо. – Я не причиню вам зла. – Его голос был чистым и низким, с легким французским акцентом.

Энни кивнула в знак того, что не станет вырываться. Как

иначе она могла дать понять этому человеку, что одобряет его затею?

Он усмехнулся, и она уловила легкую вибрацию его груди. Звук этого смеха вызвал у Энни дрожь во всем теле.

– Ваш дух требует, чтобы вы боролись, а разум и сердце говорят, что я для вас не опасен. Не так ли, мадемуазель?

Энни кивнула после недолгой паузы.

– Прекрасно. Вы разумная девушка. И все же я не могу вас отпустить до тех пор, пока не буду уверен, что они в безопасности. На мою долю выпала приятная обязанность держать вас, пока мои соратники занимаются делом. Mon Dieu, как приятно обнимать вас!

Энни взволновали слова незнакомца. Интересно, он действительно имеет в виду то, что говорит, или привык заговаривать зубы каждой, кому доводится стать свидетельницей организованного им побега рабов? Энни обернулась, чтобы рассмотреть его лицо, но не увидела ничего, кроме бесформенного темного пятна. Он прижался к ней сильнее, так что его губы едва не коснулись ее щеки.

– И все-таки вы двигаетесь! От скуки, *ma petite*? Впрочем, это можно уладить.

Когда она насторожилась в ответ на его последнюю реплику, он снова усмехнулся. Энни нравился этот звук, который возникал вроде бы в самой глубине его нутра.

– Не волнуйтесь. Если я стану развлекать вас, то и сам отвлекусь от всего, что происходит за нами. Знаете, как вы мо-

жете меня увлечь, дорогуша? Знаете, как легко я могу позабыть рядом с вами обо всем на свете, в том числе и о своем долге? — Он вздохнул. — Не беспокойтесь. Скоро я отпущу вас. Мы ждем, пока мои друзья растворятся в тумане. Склоните голову мне на грудь, закройте глаза, слушайте рокот колеса и вдыхайте сладкий аромат Луизианы. Я не причиню вам зла.

Энни поймала себя на том, что верит ему, хотя это полное безумие. Его голос действовал на нее успокаивающе, почти гипнотически. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Другого выхода, кроме как ждать, пока он ее отпустит, у Энни все равно не было. Даже говорить она не могла. Сопротивляться бесполезно, так что лучше расслабиться и ждать. Она приникла к нему всем телом и почувствовала, что его упругие мышцы служат ей прекрасным ложем.

Слишком прекрасным... Кого она хочет обмануть? Невозможно расслабиться, находясь так близко к столь привлекательному мужчине. Даже не видя его, Энни понимала, что он очень хорош. Его голос, тело, слова — все вместе — делали незнакомца неотразимым. Он верил в свободу и равенство, был храбр и обворожителен. Не какой-нибудь самовлюбленный пустомеля!

Теперь, когда она встретила настоящего мужчину, ее прежнее восхищение физическими достоинствами Дела-круа, задрапированными дорогой тканью костюма, показалось ей глупым самообманом. Привлекательным мужчину

делает не внешность, не манера одеваться, не место рождения и не знатность рода, а то, во что он верит и ради чего живет.

Незнакомец убрал ладонь с ее рта и теперь обеими руками обнимал за талию. Плащ сполз с ее плеч и теперь свободно повис между ними. Неуловимым движением он сбросил плащ на пол. Его длинные сильные пальцы слегка сжимали ее чуть выше пояса, как раз под свободной от корсета грудью. Должно быть, он наверняка знал, что она не закричит и не переполошит экипаж. И он был прав. Энни слова не смогла бы вымолвить, даже если бы захотела, и дышала с трудом. Однако она не помышляла о том, чтобы вырваться и убежать. И похоже, он это чувствовал.

В полумраке клубился туман, колесо парохода ритмично вертелось и плескало водой. Тепло незнакомца согрело Энни и как будто впиталось сквозь одежду прямо в кровь. Между ними установилась какая-то странная связь. Интересно, ощущает ли он ее тоже? Ей казалось, что она может простоять в его объятиях до самого рассвета, до тех пор, пока солнечные лучи не разгонят ночной мрак и не осветят того, о ком она мечтала в течение долгих пяти лондонских сезонов.

А может быть, то, что его сильная хватка нападающего постепенно преобразилась в объятия, лишь плод ее воображения? Но нет, сейчас он обнимал ее как любовник, а не как захватчик. Привлекает ли она его так, как он ее? Энни почувствовала, как напряглись ее соски под тонкой муслино-

вой рубашкой. Дыхание стало прерывистым и частым. И его тоже.

Вдруг он расслабился и опустил руки, и Энни охватил новый страх. Он позволяет ей уйти! Он оставляет ее! Но нет... еще нет. Она задержала дыхание, когда он провел руками по ее телу, очертив большими пальцами линию под грудью, затем вверх по рукам к плечам. Взяв ее за плечи, он развернул ее к себе лицом.

Энни открыла глаза и вздохнула полной грудью. Даже на таком близком расстоянии, да еще в лунном свете, отражающемся от мокрой палубы, она не могла разглядеть его лица. Перед ней неясно вырисовывался высокий широкоплечий мужчина в черном. На его голове был капюшон, полностью скрывающий волосы, а на лице – полумаска с узкими прорезями для глаз. Рубашка с длинными рукавами была заправлена в брюки. Весь он был похож на тень, сливающуюся с ночным мраком.

– Кто вы? – прошептала она, чувствуя, что теряет ориентацию во времени и пространстве, оказавшись в царстве волшебных сновидений.

Он не ответил, но по его губам скользнула улыбка, от которой сильно забилося ее сердце. Она не отрываясь смотрела на красиво очерченный рот этого мужчины, и в глубине ее сознания шевельнулось какое-то воспоминание, которое никак не могло всплыть на поверхность...

Его руки скользнули вниз по ее спине, губы в крепком,

настойчивом поцелуе прижались к ее губам. Все мысли разом вылетели у нее из головы, как от брошенного камня разлетается стая испуганных птиц. Энни уже не раз целовалась, но еще никогда не ощущала во рту чужого языка. И близость мужского сильного тела никогда прежде так ее не волновала. Никогда еще у нее не возникало желания обнять мужчину за шею и притянуть его к себе ближе, еще ближе...

Издаലെка донесся крик неведомой птицы, нарушив тишину. Незнакомец решительно отстранился. Энни сразу стало горько и досадно.

– Мне нужно идти, дорогуша, – сказал он изменившимся голосом. – Вы действительно сильно увлекаете меня.

– Я рада, что смогла помочь вам, – прошептала она.

Он провел кончиками пальцев по ее мягким губам, которые только что целовал, и тихо произнес:

– Помните меня, дорогуша. Помните Ренара. До нашей следующей встречи, хорошо?

И с этими словами незнакомец растворился в ночном тумане.

До следующей встречи? Энни задрожала при этой мысли. Разве женщине может выпасть такое счастье, чтобы встретить такого человека дважды?

Глава 3

В салоне не смолкали оживленные разговоры на одну и ту же тему – побег рабов. Тетя Кэтрин развернула салфетку на коленях, где она была совершенно бесполезна, поскольку случайные крошки или брызги, ежели бы таковые и появились, должны были бы оказаться на ее груди, выступающей вперед наподобие полки. Она бросила пронизывающий взгляд на капитана, который завтракал с ними, и спросила:

– Значит, это был Лис?

– Сомнений быть не может в том, что это работа Ренара, – кивнул капитан. – Никто другой не осмелился бы совершить такой дерзкий поступок. Стремительный и осторожный, как лис на охоте, он проник на судно со своими друзьями под покровом ночи и увел с собой десять рабов.

– А недавнее приобретение мистера Бодена... его рабы были среди сбежавших? – с нарочитой небрежностью поинтересовалась Энни, кладя третью ложечку сахара в свой обычный *café au lait*.³

Капитан отхлебнул из своей чашки и сурово кивнул:

– Да, были.

– И как он... гм... воспринял эту новость?

– Никак. Он еще в постели.

³ кофе с молоком (фр.).

– Великолепно! – воскликнула Кэтрин, решительно намазывая масло на тост. – Уже четверть девятого, а он еще спит. Считай, полдня прошло!

– По-моему, он вчера выпил лишнего, – заметил капитан. – Делакруа предложил не будить его лишь для того, чтобы сообщить дурные новости. Хотя новостей немного. Ни одного свидетеля.

«Ни одного свидетеля, кроме меня», – подумала Энни, протягивая руку к блюду со сладостями. Печенье в шоколаде ей понравилось настолько, что она успела пристраститься к нему за время плавания. Плохо только, что следы от него оставались на пальцах.

– Но другие рабы в трюме наверняка должны были что-нибудь заметить, капитан? Они ведь помещаются в такой тесноте. И потом, почему они все не бежали, коль скоро представилась такая возможность?

Капитан снисходительно взглянул на Энни, которая сидела на противоположном конце длинного стола. Тетя Кэтрин была занята тем, что старательно перчила вареное яйцо, а дядя Реджи задумчиво крутил ус и неодобрительно наблюдал, как перец просыпался на белоснежное камчатное полотно скатерти. Капитан был очень добр к Энни; ему нравились ее любознательность и прямолинейная манера задавать вопросы.

– Даже если бы среди негров были свидетели, то все они молчат, мадемуазель Уэстон, – ответил он. – И это лишний

раз убеждает нас в том, что побег – дело рук Ренара. Среди рабов существует негласный договор о поддержке этого разбойника. Поэтому даже те рабы, которые не хотят, чтобы их освобождали, становятся слепы, глухи и немые, когда Ренар помогает бежать их собратьям.

– И все же я не понимаю, – настаивала Энни, положив руки на скатерть вверх ладонями, испачканными в сахарной пудре. – Почему все рабы не хотят, чтобы их освободили? Кому не хочется стать свободным!

– Рабство – это единственная форма жизни, которую знают негры, – ответил капитан Дюваль. – В большинстве случаев хозяева обращаются с ними хорошо, кормят их, одевают, оказывают медицинскую помощь. Они настолько привыкают к господскому дому, что не смогут жить самбостоятельно, если их вдруг отпустить. Большинство негров пугаются самой идеи свободы.

– Но если бы у них были те же возможности, что и у белых...

– Энни, – вмешался Реджи, с сожалением глядя на племянницу, – возможно, есть вещи, которые ты не совсем понимаешь...

– А зачем, по-твоему, она задает вопросы, Реджинальд? – колко поинтересовалась Кэтрин. – Как она может составить мнение о предмете, если в нем несведуща? Ах да, я совсем забыла. Ведь вы, англичане, возводите женское невежество в ранг добродетели.

– Я никогда не говорил ничего подобного, – недовольно пробормотал Реджи.

– Я уверена, что ты не хочешь видеть меня невежественной, дядя Реджи, хотя и предпочитаешь, чтобы я почаще молчала, – справедливо заметила Энни. – Однако иногда важно разобраться в чем-либо, несмотря на то что факты порой бывают неутешительными. Разве человек может быть счастлив в неволе, даже если с ним хорошо обращаются? Я думаю, что если у рабов появится возможность получать образование, все они захотят стать свободными.

– Осмелюсь заметить, что отмена рабства связана с большой ответственностью за судьбу рабов, – сказал Реджи. – Более того, подобная попытка полностью разрушила бы экономику Юга.

– Изменения в экономике можно было бы проводить постепенно. Но это требует объединения всеобщих усилий, поскольку никакой человек в одиночку не способен на такое. – Говоря это, Энни имела в виду Ренара. Со вчерашнего вечера она постоянно думала о нем. Чувство надежности и восхищения, которое охватило ее в объятиях пресловутого разбойника, казалось ей осуществлением давней мечты. Она все еще не могла поверить в то, что целовалась с местным Робин Гудом.

– Дорогая мадемуазель Уэстон, – сказал капитан, поднимаясь с места и глядя на нее с высоты своего внушительного роста, – с чего вы взяли, что южане собираются вносить

какие-либо изменения в свою жизнь? Уверяю вас, что большинство из них никогда не задумывалось по этому поводу. — Он подошел к Энни и с чувством пожал ей руку. — Я должен готовиться к швартовке, потому что мы войдем в порт менее чем через час. А на прощание хочу дать вам один совет, мадемуазель. Наслаждайтесь жизнью. Такая очаровательная, страстная и умная девушка, как вы, обязательно станет объектом мужских притязаний, едва войдет в высшее общество Нового Орлеана. — С этими словами он откланялся.

— Как он осмелился! — воскликнул Реджи, покраснев, как спелый помидор. — Как мог этот грубиян так свободно и откровенно выражаться в присутствии невинной девушки! Страстная! Объект мужских притязаний! Выражения из будuarной сцены дешевого французского романа! Как он позволяет себе так говорить в присутствии Энни?!

— Я вижу, что притворная стыдливость снова поднимает голову, — отряхивая крошки со своего бюста, сухо заметила Кэтрин. — Капитан Дюваль сказал правду, Реджинальд просто повторил это в более красочных выражениях, чем те, к которым он привык. Интересно, Реджи, чьи ушки невиннее — твои или Энни? Твои, по-моему, более девичьи.

— Тетя Кэтрин, — сказала Энни, — меня покорило не от выражений капитана, а от его снисходительного тона. Неужели здесь нет никого, кто в состоянии думать о насущных проблемах и принимать меня всерьез? Этой стране нужно больше таких людей, как Ренар!

– Как Ренар? – откликнулся Реджи. – Но ведь он разбойник!

– Зато делает то, во что верит. В рамках закона он бессилен. И не говори мне, дядя, что ты согласен с капитаном!

– Разумеется, нет, Энни. Но в Англии, где живут цивилизованные люди, не существует таких неприятных явлений, как рабство, а соответственно подобных тем для застольных бесед с дамами.

– Я уж лучше умру, чем буду все время молчать и жеманно улыбаться, – заявила Энни, слизывая сахарную пудру с кончиков пальцев.

– Энни, юной леди не пристало выражаться так резко. И пожалуйста, возьми салфетку, – сделал ей замечание Реджи, будучи на грани раздражения.

Энни облизывала большой палец, когда вдруг подняла глаза и увидела Делакруа, который стоял на пороге салона с Боденом и смотрел на нее. Проклятый ловелас улыбался!

В салоне было полно пассажиров, многие из которых задержались за завтраком, чтобы дожидаться появления Бодена, «героя дня», жестоко наказанного судьбой. И надо же было случиться такому, что насмешливый взгляд Делакруа остановился именно на ней и как раз в тот момент, когда она засунула палец в рот.

Она поспешно отвернувшись от удивленного Делакруа и незаметно вытерла палец о салфетку, которая лежала у нее на коленях.

Энни была сконфужена и раздосадована, но любопытство вынудило ее снова взглянуть на дверь салона, чтобы выяснить, как Боден воспринял неприятную новость. В душе она надеялась, что он будет выглядеть довольно жалко. Однако казалось, он страдал от головной боли едва ли не сильнее, чем от жалости к себе по поводу проделки Лиса. «Браво, Ренар! Боден получил то, что заслуживает», – подумала Энни.

Она исподтишка, уголком глаза наблюдала за тем, как Делакруа и Боден направлялись к свободному столику, соседнему с ними. Все присутствующие в салоне молча следили за ними. Делакруа выглядел совершенно невозмутимым, будто ничто на свете его не интересовало. И Энни снова отметила про себя, что у него красивые ноги. Она вздохнула и отвернулась. Бездельнику незачем иметь такие ноги. Все равно он использует их лишь для того, чтобы возбуждать гнусные желания в женских сердцах. Слава Богу, она к этому невосприимчива!

* * *

Энни Уэстон сидела за столиком, залитым ярким солнечным светом, в бледно-желтом платье и легкой шляпке, украшенной маргаритками и перьями, которая венчала ее кудрявую макушку. Она облизывала пальцы, откровенно наслаждаясь вкусом пирожного. Через весь салон Люсьен разглядел тонкую полоску сахарной пудры над ее верхней губой.

Одно движение языка – предпочтительно его собственного – и она была бы снова чиста и готова к поцелуям.

Поцелуй. Не в его правилах было смешивать дело с романтическими похождениями, но прошлой ночью он не смог устоять против чар Энни Уэстон, которая волею случая оказалась в его объятиях. Когда он увидел ее у поручня на палубе парохода в Билокси, ему стало интересно, насколько сильно ее талия стянута корсетом, если кажется такой тонкой. Теперь он знал наверняка, что ее грудь, талия и ягодички совершенны безо всяких дамских ухищрений и даже без нижнего белья.

Он хорошо помнил свое ощущение, когда она прислонилась к его груди и коленям: пульсирующее тепло ее кожи проникало сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Ее губы были сладкими и податливыми, как у захмелевшей невесты. Но гораздо сильнее, чем телесное совершенство, его душевный покой смутил тот невероятный факт, что Энни Уэстон поддержала разбойничью выходку Ренара с таким восторгом, с каким женщины обычно выбирают в магазине новую шляпку или зонтик. Она дрожала от радостного возбуждения, от того, что рабам удалось бежать. В этой девушке есть страстность и сила духа. Она идеалистка. Черт побери, она само совершенство!

Но придется оставить ее. У Люсьена нет времени на такие глупости. Ему нужно играть свою роль на этом маскараде, и некогда отвлекаться на соблазнительных девушек.

Она смотрела на него, пока он шел к свободному столику. На долю секунды он встревожился, потому что ему показалось, что она обнаружила в нем черты сходства с Ренаром. Он лукаво улыбнулся ей и подмигнул. Она бросила на него возмущенный взгляд и отвернулась. Удачно, но какой ценой.

До тех пор пока ему не встретилась Энни Уэстон, он даже получал удовольствие от своего маскарада, поражаясь тому, как легко ввести в заблуждение людей несложной игрой, несколькими вычурными манерами, эгоистичными замечаниями и показным пристрастием к волокитству, кутежам и картам. Однако лицемерная победа над Энни его вовсе не радовала. С ней ему хотелось быть самим собой.

– Этот подойдет, Боден? – спросил он, кивая в сторону свободного столика.

– Здесь слишком много солнца, но ничего не поделаешь, больше сесть некуда, – капризно поморщился Боден.

Люсьен видел, что они в центре внимания всех присутствующих, но его интересовало внимание лишь одной девушки, сидевшей за соседним столиком, и привлекал испытующий взгляд ее синих, самых чистых на свете глаз. Боден плюхнулся на стул, не глядя по сторонам, поставил локти на стол и обхватил ладонями голову.

Прежде чем сесть, Люсьен, приветствуя знакомых, обошел соседние столики. Он поцеловал несколько дамских ручек, получив в ответ ряд страстных взглядов и застенчивых улыбок. Одна юная девица покраснела до корней волос и

смущенно спрятала лицо за веером. Исполнив свой светский долг, он подошел наконец к столику Энни и учтиво поклонился.

— Bonjour,⁴ леди, месье Уэстон. Надеюсь, в это прекрасное утро вы счастливы и у вас все благополучно. — Он обнажил в беззаботной улыбке два ряда белоснежных зубов. Но Энни пристально следила за ним, и под ее взглядом ему было трудно изображать абсолютную беспечность. Он почувствовал, как скула у него стала непроизвольно подрагивать.

— Во всяком случае, мы куда счастливее, чем ваш друг мистер Боден, — сказала Кэтрин, кивнув в его сторону.

Люсьен приблизил к лицу ладонь тыльной стороной и стал внимательно рассматривать ногти. Сквозь слегка растопыренные пальцы он видел верхнюю губу Энни — все еще со следами сахарной пудры, — приподнятую в едва заметной презрительной усмешке. Безусловно, ему удалось вызвать ее раздражение своим кругом почета, во время которого он так откровенно заигрывал с дамами. Ничего не скажешь, очень утешительно.

— Да, вчера ночью случилось очень неприятное происшествие, не так ли? Насколько мне известно, он выложил кругленькую сумму за эту семью рабов. Не важно, насколько богат человек, но расставаться со своей собственностью таким образом всегда досадно. Больше всего Бодена раздражает то, что это дело рук разбойника Ренара.

⁴ Здравствуйте (фр.).

– Да, мистер Боден сегодня как в воду опущенный, – с ядовитой слащавостью в голосе заметила Энни и, вздохнув, скорбно добавила: – Как мне жаль его! Но может быть, он воспрянет духом после того, как позавтракает.

– Его тошнит, и голова раскалывается, так что вряд ли он закажет что-нибудь, кроме чашки крепкого кофе, – с оттенком озабоченности сообщил Люсьен. – Мой дружеский долг состоит в том, чтобы убедить его хоть немного поесть. А как вам показались сегодняшние пирожные, мадемуазель Уэстон? Я собирался поцеловать вашу руку, но если я почувствую привкус сахарной пудры на ваших пальцах, то уже не смогу оторваться и повергну вас в смущение... Сахар сладок, как губы женщины.

Он видел, что щеки ее зарделись. Это было похоже на то, как распускается алая роза, медленно раскрывая свежие лепестки. Он неучтиво уставился на нее, улыбаясь от удовольствия. Ее дядя бросил на него раздраженный взгляд и, склонившись к самому уху Энни, что-то шепнул. Она поспешно вытерла губы и пальцы салфеткой. Самообладание вернулось к ней, и она вызывающе подняла глаза на Люсьена:

– Пирожные сегодня необычайно вкусные, воздушные и ароматные, месье Делакура. Надеюсь, что они также достаточно сладкие, чтобы поднять настроение мистеру Бодену. Возможно, вам стоит посоветовать своему другу заказать их, пока он не отослал официанта.

Люсьен понял отнюдь не тонкий ее намек: она хотела, что-

бы он ушел. И как раз в то время, когда он намеревался утешить ущемленную гордость Бодена и таким образом проявить себя его преданным другом. Показная дружба с Боденом была самым отвратительным обманом в том маскараде, который он разыгрывал.

– Вы правы, мадемуазель, – согласился Люсьен с галантным поклоном. – Я немедленно посоветую месье Бодену заказать блюдо пирожных. *Au revoir*,⁵ дамы, месье Уэстон. Надеюсь, в городе мы будем часто видеться.

Энни взглянула на него так, словно предпочитает встретиться с дьяволом, чем с таким повесой, как он. Люсьен должен был бы радоваться, добившись того, что она его так откровенно невзлюбила. Но он, напротив, огорчился и вернулся за свой столик к Бодену с твердым намерением выбросить из головы романтические мысли и сосредоточиться на деле.

– Обрабатываешь красотку, Делакруа? – спросил Боден, с трудом приподняв голову.

Люсьен бесстрастно взглянул в обрюзгшее лицо Бодена. Он выглядел так, как будто много часов шел по пустыне в песчаную бурю: глаза превратились в слезящиеся щелочки, щеки пылали жаром. Никто не предполагал, что он страдает от чего-нибудь помимо побега рабов, но Люсьен знал наверняка, что сонное зелье, которое приготовил Арман, доставляло ему куда более серьезные физические мучения.

– Немножко перебрал вчера вечером, а, Боден?

⁵ До свидания (фр.).

– Я выпил не больше, чем обычно, когда что-нибудь праздную, – дребезжащим голосом вымолвил он. – Ты выпил столько же, а я не какой-нибудь слабак и могу опрокинуть в себя столько же бокалов мадеры, сколько любой другой. Не понимаю, почему мне так плохо. Голова раскалывается на части. – Он потер глаза кулаками.

– Мне на долю выпала прискорбная обязанность разбудить тебя утром и сообщить неприятную новость. То, что тебя уже не в первый раз обокрал Ренар, поможет тебе пережить эту потерю.

Боден уронил руки на стол, и они непроизвольно сжались в кулаки. Его налившиеся кровью глаза излучали ненависть.

– Если мне повезет когда-нибудь добраться до этого ублюдка, я задушу его собственными руками!

– Mon Dieu! – Люсьен притворился, что его поразила страстная злоба Бодена. – Слава Богу, что я не тот, кто вызывает в тебе такую ненависть, Боден. – Он непринужденно положил ногу на ногу. – Скажи мне, сколько раз Лис забирался в твой курятник?

Боден свирепо засопел и не ответил. Люсьен медленно, безжалостно сыпал соль на его давнюю болезненную рану.

– По-моему, «курятник» – очень подходящая метафора, а? Он всегда уводит у тебя женщин, которые тебя интересуют. Жаль, что ты не успел поразвлечься с той черной девчушкой, прежде чем Ренар выкрал ее.

– А кто тебе сказал, что я не успел? – ошетинился Боден.

— А, mon ami,⁶ ты забыл, — покачал головой Люсьен. — Я сам проводил тебя в каюту вчера вечером и помог стюарду стащить с тебя ботинки и уложить в постель. Ты здоровяк, но вчера... как бы это выразиться?... мало на что был пригоден. Ты захрапел прежде, чем голова коснулась подушки.

У Бодена не было сил оспаривать очевидные вещи, и он снова уронил голову на руки. Люсьен делал вид, что сокрушен неудачей друга. Он похлопал его по массивному плечу, сдерживая отвращение:

— Что я за друг, если постоянно напоминаю тебе о неприятностях? Слушай, а почему бы тебе не завести любовницу и не перестать искать... э... утешения в объятиях неопытных девочек-рабынь? Посели какую-нибудь красотку в собственном *petite maison*⁷ на улице Рампарт и навещай ее когда душе угодно.

— Я не стану покупать какой-то шлюхе собственный дом. — Боден стряхнул с плеча его руку и снова принялся тереть глаза. — Когда она мне надоест — а это случится наверняка, не пройдет и года, — мне придется оставить ей дом, как того требует наш чертов рыцарский кодекс. По-моему, это глупое расточительство. Рабыни принадлежат мне, и поэтому спать с ними ничего мне не стоит. Кроме того, я люблю разнообразие. Мне нравятся молоденькие, и желательно девственницы.

⁶ мой друг (фр.).

⁷ маленьком домике (фр.).

– Понятно. Чистота и невинность в твоём вкусе, – поощрительно кивнул Люсьен, борясь с желанием плюнуть ему в лицо. – Тебе нужно поесть. Мадемуазель Уэстон утверждает, что пирожные сегодня просто божественны.

– Кофе. Это единственное, чего мне хочется, – пробормотал Боден, сложив руки на столе и опустив на них лысеющую голову.

Люсьен подозвал официанта и заказал кофе для Бодена и плотный завтрак для себя. Вчерашнее предприятие отняло у него много сил, и теперь он был по-настоящему голоден. А если от запаха вареных яиц Бодена мутило, что ж, оставалось лишь пожалеть об этом.

– Да, и вот еще что, приятель. – Люсьен намеренно обратился к официанту панибратски. – Отправьте блюдо пирожных на соседний столик с моими наилучшими пожеланиями. – Он кивнул в сторону столика Энни и случайно встретился с ней глазами. Она бросила на него уничтожающий взгляд. Он улыбнулся и подмигнул ей. Она отвернулась, притворившись, что не заметила этого. Он тихонько усмехнулся. Притворство. Люди всегда притворяются.

Новый Орлеан по сравнению со сдержанно-элегантным Лондоном производил впечатление эклектичного рая. Из суматошного порта до дома Кэтрин за Кэнэл-стрит они ехали в экипаже через Французский квартал, полностью восстановленный после пожара 1788 года. Светлые отштукатуренные дома в основном были двухэтажными, с плоскими крышами

и выходили прямо на тротуар или отделялись от него невысокой изгородью.

По улице сплошным потоком двигались люди с самыми немыслимыми оттенками кожи. На фасадах домов выделялись маленькие балкончики, украшенные затейливыми чугунными решетками. Энни увидела женщин-креолок, которые прятали под зонтиками изысканно-бледные лица; янтарно-желтых квартеронов в ярких шарфах-тиньонах; черных как смоль рабынь, которых, казалось, только что привезли из Гвинеи.

Торговки продавали на углах сладости, фрукты и цветы. Некоторые здесь же готовили рисовые кексы в медных печурках, которые топились углем, и варили пенистый *safe au lait* особо нетерпеливым клиентам. Густой кофейный аромат, смешиваясь со зловонием сточных канав, проникал в экипаж через открытое окно. Был конец сентября, но жара стояла адская. Энни чувствовала, как по шее у нее из-под шляпки стекала струйка пота.

Реджи, сидевший напротив, поднес к носу платок:

– Ты все еще думаешь, что мы попали в рай, Энни?

– Я как раз только что подумала о том, что все это очень напоминает рай, где всякой твари по паре, – ответила она, широким жестом указывая на вид за окном.

Реджи втянул носом воздух и, судя по тому, какая гримаса перекосила его лицо, пожалел об этом.

– Никогда не предполагал, что в раю может так отврати-

тельно пахнуть. Не понимаю, как люди, которые здесь живут, выносят нечто подобное. Скажи, твой... твой дом близко отсюда? – отважился он спросить Кэтрин.

– Нет, я живу в районе, населенном преимущественно американцами. Он называется Фобург-Сент-Мэри. Дома там расположены дальше от дороги. У меня во дворе много деревьев – дубы, магнолии, пальмы и даже банановое дерево, – поэтому в доме всегда прохладно. Скорее бы уже приехать! Надеюсь, Тереза все подготовила к нашему приезду. – Она внезапно сжала Энни руку: – Посмотри, это собор Святого Людовика!

Энни смотрела, смотрела и смотрела, восхищаясь всем, что видела вокруг; ей не терпелось узнать побольше об истории и культуре города, где будет ее новый, временный, дом.

Наконец они пересекли Кэнэл-стрит и оказались в так называемой американской части города. Здесь американцы построили для себя церкви, театры, отели и особняки. Они, как правило, презрительно относились к креольской архитектуре, поэтому предпочитали жить в больших домах с вычурными фасадами в стиле ренессанс. Глицинии и розы украшали дворики. Кирпичные дома были выкрашены в различные бледные цвета и на вид казались аккуратными и приятными.

Дом Кэтрин находился на Притания-стрит. Как только они свернули на покрытую гравием дорожку, ведущую на задний двор к конюшне, Энни стала разглядывать особняк цвета черного дерева, который потряс ее не меньше, чем все,

что она уже успела увидеть в Новом Орлеане. Она подумала, что, похоже, недооценивала благосостояние своей тети. Даже Реджи был несколько ошеломлен, поэтому воздержался от комментариев и тем самым не провоцировал Кэтрин на споры.

Когда они вошли в дом, Реджи по-прежнему хранил глубокое молчание. Энни предположила, что он просто не ожидал, что дом Кэтрин Гриммс окажется таким уютным и добротным. При всей грандиозности этого сооружения, помпезной лепнине на потолке, обилии карнизов и мраморных каминов здесь царила домашняя атмосфера, хотя и не лишенная экзотики.

Кэтрин сумела добиться такого эффекта, тщательно продумав и спланировав интерьер, – всему нашлось здесь свое место: сувениры и предметы искусства, привезенные ею из путешествий по всему свету; оттоманки и диваны с горами подушек; маленькие столики, заваленные книгами. Повсюду в вазах стояли цветы. Энни дом очень понравился. Она подозревала, что и Реджи тоже, хотя он не проронил ни слова.

Экономка Тереза была чернокожей, но не рабыней, свободной. Большинство американцев из Нового Орлеана имели рабов, но у Кэтрин не было ни одного. Высокая, крупная Тереза, возраст которой определить было трудно, обладала очень гладкой коричневатой-красной кожей; ее выющиеся волосы под белым тиньоном уже тронула седина.

Она показала Энни ее комнату, в которой все предметы,

включая обои, балдахин на кровати и обюссонский ковер на натертом до блеска деревянном полу, были декорированы стилизованной розой. Задернутые легкие шторы на окнах закрывали доступ в комнату палящим лучам полуденного солнца, кровать была под москитной сеткой. К комнате примыкала гардеробная с глубокой фарфоровой ванной, которой Энни немедленно воспользовалась.

После ванны она решила немного отдохнуть перед трапезой. Лежа на мягкой перине и наслаждаясь прохладой ветерка, проникающего в комнату через задернутые шторы, она размышляла о предстоящем в течение года пребывании в Новом Орлеане. Что с ней произойдет за это время? Встретится ли она снова с Ренаром? Последняя мысль – как ни смешно – занимала ее больше всего, когда она думала о своем будущем. Его образ занимал главное место в ее подавляемом сном сознании. Вспоминая, как спокойно, надежно и восхитительно она чувствовала себя в объятиях опасного разбойника, Энни заснула.

Глава 4

Как снятая с петель калитка, неполная луна криво висела в черном безблачном небе. Стоя на балконе своих апартаментов в отеле Святого Людовика, Люсьен вальяжно облокотился на перила резной чугунной решетки и смотрел вниз, на Ройал-стрит. Над сточными канавами стелился туман, пар поднимался к низким окнам соседнего дома, где Бал голубой ленты был в полном разгаре.

Креольские джентльмены нескончаемым потоком фланировали по деревянному тротуару, соединяющему оба здания, благоразумно деля внимание и время между своими любовницами-квартирными, танцующими на Балу голубой ленты, и женами, собравшимися на традиционный Королевский бал, который проходил в бальном зале отеля Святого Людовика. В стороне от кружащихся пар, оставленные на время жены сбивались в кучки, словно галки-трещотки, и обменивались сплетнями, ожидая, когда их мужья вернутся после «перекура».

Вишневые чубуки попыхивали в ночи, яркие искорки то вспыхивали, то гасли между домами, как робкие светлячки. Каждый из джентльменов знал, что табачный запах может быть единственным оправданием их отсутствия в глазах ревнивых жен и позволит им хоть ненадолго сменить скучную атмосферу Королевского бала на более приятное общество

любовниц.

Стояла знойная октябрьская ночь, и илистый запах вод Миссисипи, смешанный с ароматом табака и зловонием сточных канав, пропитывал туман и делал все попытки Люсьена глотнуть свежего воздуха тщетными. Из соседней улочки донесся хриплый хохот, затем топот ног и сдавленные крики – очередная драка.

Светский сезон был в полном разгаре, и каждый, начиная от аристократа и кончая женщиной легкого поведения, чувствовал в себе подъем душевных и физических сил. Почти все «лучшие» семейства вернулись в город с отдаленных плантаций, где обычно укрывались в течение знойных, болезнетворных летних месяцев. Семья Люсьена только сегодня утром вернулась в особняк Делакура на Эспланад-авеню, и отец кратко и сдержанно попросил его нанести визит вежливости матери. Люсьен отговорился тем, что встретится с ней в опере на «Севильском цирюльнике», открывающем сезон.

Дело не в том, что ему не хотелось видаться с матерью. Он любил ее, несмотря на то что она слепо восхищалась мужем-диктатором и во всем покорялась его воле. Отца он тоже любил, но с оговорками.

В детстве Люсьен не осознавал важность того, что является наследником плантации Бокаж, а Жан-Люк Делакура считал это величайшей честью. Люсьен был подвижным и общительным ребенком, имел множество приятелей, но луч-

шим его другом стал Рой, из семьи рабов.

Лет до десяти сыновьям белых плантаторов разрешалось играть с детьми рабов, когда те не были заняты в поле или не выполняли работу по дому. Но когда сын плантатора отправлялся в школу, дружеские отношения сами собой заканчивались и обычно предавались забвению.

Однако Люсьен не забыл о дружбе с Роем. Когда они подросли, стало очевидно, что им уготовано разное будущее. Отец Люсьена не одобрял продолжения этих отношений, хотя при этом не возражал бы, если бы сын захотел переспать с какой-нибудь молоденькой рабыней. Люсьен никогда не понимал и не принимал этих издавна установленных порядков.

Люсьен не был уверен, что хочет вести тот образ жизни, который отец с гордостью навязывал ему. Он всегда подвергал сомнению креольскую традицию и общественное устройство Юга. Он не понимал, почему нужно продолжать поступать так, а не иначе только потому, что так проще и так было заведено.

То, что Люсьен бунтовал против того, что было дорого и близко Жан-Люку Делакура, приводило отца в ярость, и он решил преподать сыну хороший урок. Он «в последний раз» велел сыну порвать дружеские отношения с Роем, угрожая наказанием, но отлично понимал, что юноши его не послушаются. Их застали вместе на рыбалке, поймали и привели к Жан-Люку на расправу. Никакого раскаяния молодые люди не испытывали.

Жан-Люк приказал сыну дать Рою двадцать ударов кнутом. Люсьен пришел в ужас и наотрез отказался. Тогда отец сказал, что если тот не согласится, его приятель Шарль Боден, который случайно оказался у них в гостях, с радостью выпорот его самого.

Зная кровожадность и жестокость Бодена, Люсьен был вынужден наказать друга. Он нарочно сжимал кнут не крепко, чтобы экзекуция прошла для Роя не так болезненно, но Боден заметил это, вышел вперед и показал, как это следует делать правильно. Люсьен в течение всей пытки был не в себе и старался не причинять Рою боли, но он понимал, что если не станет бить его достаточно сильно, то Боден с удовольствием заберет кнут и заменит его.

Этот день стал поворотным пунктом в судьбе Люсьена. Они с Роем больше никогда не разговаривали. Люсьен возненавидел Бодена и проникся жалостью и презрением к отцу. И еще он понял, что никогда не станет рабовладельцем.

Он уехал из дома в школу и не возвращался к родителям даже на каникулы, а потом отправился в Европу, где получил образование и прожил до тридцати лет. Два года назад Люсьен вернулся в Новый Орлеан другим человеком. Теперь он раздражал отца другим способом. Люсьен публично больше не осуждал рабство и прочие семейные традиции, которые глубоко укоренились в старомодном сердце Жан-Люка, но зато превратился в беззаботного лоботряса. Он не проявлял никакого интереса к делам поместья, которое собирался уна-

следовать, и занимался только тем, что волочился за девицами и играл в карты.

За несколько месяцев до своего возвращения в Штаты Люсьен решил вести двойную жизнь. Он знал, что на Юге ничто не изменилось за время его отсутствия, и понимал, что сможет вернуться домой только при условии, что сам внесет в жизнь некоторые коррективы. За границей его отрицательное отношение к рабству не изменилось, а еще более укрепилось. Картина же того, что случилось летним днем почти двадцать лет назад, в его памяти стала еще ярче. Он твердо усвоил: рабство бесчеловечно и недопустимо. Так на свет появились Денди Делакура и Ренар.

Люсьен часто навещал мать и оказывался, таким образом, в обществе отца, что было мучительно для обоих. В том, что мать вернулась в город, было еще одно неудобство. Теперь, когда начался этот безумный светский сезон, мадам Делакура возобновит разговоры о том, что недопустимо еще на год откладывать брак и что он должен немедленно выбрать невесту из числа благородных девиц высшего креольского общества. Весь предыдущий год мать намекала на то, что добродетельная шестнадцатилетняя Лилиан Шевалье устроила бы ее в качестве невестки как нельзя лучше.

Люсьен подумал о волоокой черноволосой мадемуазель Шевалье, которая была на семнадцать лет его моложе, — такая благочинная и тихая. Аристократическая чистокровность ее семьи подтверждена документами, хранящимися с

незапамятных времен под сводами собора Святого Людовика.

Мадемуазель Шевалье, как и большинство креольских девушек, воспитывалась монахинями монастыря Святой Урсулы в высокоморальном духе, побуждающем всех девиц на выданье сидеть на балах с плотно сдвинутыми коленями и потупленным взором. Для ее супруга должно быть величайшей честью раздвинуть эти девственно сомкнутые колени и приучить свою безответную жену к движениям и звукам, сопровождающим брачное соитие, которое произойдет в затемненной из скромности спальне. И так всегда они будут сходиться на брачном ложе не для того, чтобы любить друг друга, а чтобы произвести на свет очередного чистокровного продолжателя креольской династии.

Люсьен отказывался пожертвовать своей свободой ради вступления в такой фальшивый союз. К тому же, если он женится, это будет несправедливо по отношению к его избраннице – креолке или нет. Его тайная деятельность слишком опасна, чтобы он мог обременить себя семейными узами.

Он подумал об Энни Уэстон. Они не виделись с тех пор, как «Бельведер» пришвартовался в порту Нового Орлеана, но это не мешало Люсьену беспрестанно вспоминать о ней. Он старался стереть из памяти ее золотистый образ и поэтому чаще навещал свою любовницу Микаэлу, надеясь забыться в безудержных оргиях. Но все было напрасно. Он все сильнее хотел Энни.

Иногда, часами бездельничая, он придумывал повод для визита к Кэтрин Гриммс. Но здравый смысл всегда брал верх над желанием, и он воздерживался от визитов, по крайней мере от официальных. Это не мешало Люсьену под покровом ночи проезжать в экипаже по улице, где она жила, притормаживать у входа и смотреть на окно спальни Энни.

Дважды ему повезло увидеть ее, когда она высунулась из окна, чтобы подышать свежим ночным воздухом. Золотистые локоны рассыпались по ее плечам и блестели в лунном свете. Напротив ее окна росло дерево, по которому легко можно было бы забраться в комнату. Дни шли, и дерево казалось Люсьену все более соблазнительным путем. Однажды он заберется по нему в комнату Энни, когда та будет спать. А потом...

Он не осмеливался представить себе, что будет потом. Достаточно лишь посмотреть на нее. Или, может быть, один раз поцеловать...

Внезапный порыв ветерка охладил разгоряченное лицо Люсьена. Он запрокинул голову и закрыл глаза, наслаждаясь ночной свежестью. Она напомнила ему горный ветер, дувший через заснеженные долины Швейцарии в сторону северной Франции, или бодрящую речную прохладу побережья Темзы. Люсьен слышал в ветре насмешливый шепот прежних мест и отзвук давних времен.

Как бы ему хотелось снова стать самим собой, таким, каков он был в Европе! Как бы ему хотелось поговорить с Энни

начистоту, чтобы между ними не было ничего, кроме правды! Этот отвратительный маскарад разрушал его душу...

В дверь постучали. Люсьен отпустил на вечер слуг и не ждал в гости никого. Он прошел через комнату с уверенностью знакомого с обстановкой человека и с беззвучной грацией атлетически сложенного мужчины, привыкшего передвигаться в темноте. Приоткрыв дверь, он выглянул в щель.

– Люсьен, я знаю, что мне не следовало приходить, но...

Люсьен схватил человека за руку и втащил в комнату, после чего выглянул в коридор, нет ли слежки, и запер дверь на замок.

– Господи, Арман, тебе действительно не надо было приходить!

– Меня никто не видел.

– Ты уверен?

– Я был очень осторожен, – кивнул он и бросил на Люсьена умоляющий взгляд. – Я должен был прийти.

Люсьен внимательно разглядывал друга при свете единственной свечи в настенном канделябре. Высокий и гибкий, с темными волосами и медно-коричневой кожей, с печальными миндалевидными глазами, Арман был по-настоящему красив. В его негритянской крови чувствовалась какая-то примесь. Он не был рабом и носил приличествующую джентльмену одежду: ладно скроенный серый костюм, подходящий скорее для публичных балов, куда пускали по билетам. По вискам у него струился пот. Люсьен предположил,

что скорее от волнения, чем от жары.

Арман был явно чем-то очень расстроен. Люсьен привык верить каждому его слову, потому что Арман не только великолепный разведчик, но, что гораздо важнее, человек, на которого можно положиться, и друг, о котором может только мечтать любой мужчина. Они познакомились в интеллектуальных кругах Парижского университета, где Арман учился на физика. Он был сыном квартиронки и богатого американского банкира из Нового Орлеана.

В Париже они с Люсьеном сблизились, выяснив, что их воззрения на проблему рабства сходны. Когда Люсьен поделился с ним своей идеей начать по возвращении в Штаты подпольное аболиционистское движение, Арман выразил желание принять в нем участие.

После нескольких лет, проведенных в Париже, он стал более походить на француза, чем на американца. Теперь французское влияние проявлялось в легком акценте и поэтической краткости английских фраз.

– Что стряслось?

– Боден. Он снова это сделал.

– Что? Изнасилование? – стиснул зубы Люсьен.

– Хуже. Он убил всех троих мужчин, которых мы собирались перевозить на следующей неделе. Один из них проговорился девочке-мулатке – полагаю, он хотел уговорить ее бежать, – которая пользуется особыми привилегиями Бодена за то, что доносит на других.

– Дурак! – вымолвил Люсьен, растирая затекшие мышцы шеи. – Он же знал условия нашего соглашения! Неужели он не понимал, что рискует и подвергает опасности не только себя, но и жизни двух своих товарищей?

– Может быть, он и дурак, но очень смелый человек. И двое других тоже. Наш соглядатай в Бель-Флер видел все собственными глазами и сообщил мне эту печальную новость всего час назад. Боден жестоко избил их. Он хотел, чтобы они сказали, где у нас назначена встреча. Он надеялся преподнести тебе сюрприз, сделать так, чтобы ты вместо рабов наткнулся на отряд вооруженных палачей. С тех пор как мы выкрали его рабов с «Бельведера», Боден объявил тебе вендетту. Но те трое не назвали места встречи, Люсьен, – голос Армана дрожал от еле сдерживаемой злости и возбуждения, – мы должны быть благодарны им за это.

– Менее всего я готов испытывать сейчас благодарность! Хочется взять у Бодена кнут и оставить несколько рубцов на его бесценной шкуре, а потом вздернуть его на этом же самом кнуте! Теперь в Бель-Флер поселится панический ужас. Не найдется ни одного человека, который осмелится попробовать вырваться на свободу, хотя плантация Бодена, готов побиться об заклад, самое проклятое место для рабов на всем Юге.

Арман достал из жилетного кармана платок и вытер лоб.

– Со временем страх начнет сходиться на нет, – сказал он. – Жестокость Бодена и порядки, которые он завел в Бель-

Флер, заставят рабов взбунтоваться, и скоро найдутся новые храбрецы, способные рискнуть и решиться на побег. Тем более что ты прекрасно умеешь эти побеги организовывать и вывозить рабов за пределы штата. Это ведь твой первый... провал.

– Даже один провал – это много, Арман, – сокрушенно вздохнул Люсьен и направился к французским дверям, ведущим на балкон, чтобы еще раз глотнуть свежего воздуха и услышать шепот прохладного ветра. Арман остался позади в тени.

В комнате повисла долгая, мучительная тишина.

– Может быть, это было предзнаменование, – сказал наконец Люсьен, скорее самому себе, чем Арману.

– Что, mon ami?

Люсьен обернулся к Арману и мрачно, самоунижительно усмехнулся:

– Погода стоит необычно жаркая для этого времени года. Слишком душно, я целый день задыхаюсь. Вышел на балкон и задумался о... разных вещах, и вдруг подул прохладный ветерок. Знаешь, Арман, я уловил в нем запах швейцарских гор. И резкое дуновение ветра с берегов Темзы. Меня охватило жуткое, мистическое чувство. Теперь я понимаю, что это было предзнаменованием, предвестием твоей дурной новости.

– Черные, креолы – все мы суеверны. Возможно, это действительно было предзнаменованием, но не обязательно

плохим.

– Мне лично так не кажется! – гортанно хмыкнул Люсьен.

– Нет, Люсьен. Избиение рабов было вчера. Может быть, этот прохладный ветер – твое спиритическое перемещение в те места, где ты был счастлив и безмятежен, – добрый знак. Возможно, что-то хорошее ждет тебя впереди, что-то, что придет из Европы.

Люсьен тут же подумал об Энни, и сердце быстрее забилося в его груди, но он решительно отогнал от себя глупую, тоскливую мысль и сделал кислую мину:

– Мой друг, это слишком вольная интерпретация прихоти речного ветерка!

– Возможно. – Арман пожал плечами и улыбнулся – чисто французский жест. – Я не предсказатель. Если хочешь узнать свое будущее, тебе нужно сходить к колдунье, королеве вуду.

– Единственное, что я вижу в будущем для себя и Юга, – это борьба и опасности, – покачал головой Люсьен.

– Так будет не всегда, mon ami. Ты сможешь сделать так, чтобы на эту землю пришли перемены. Постепенно, не сразу, но жизнь будет меняться – как меняется, выходя из берегов, по весне Миссисипи. И однажды эти изменения станут необратимыми, и тогда никто не сможет препятствовать им. А пока эти времена не наступят, тебе придется действовать втайне, носить маску и играть чужую роль.

Люсьен вздохнул и, отвернувшись, стал смотреть в ночное небо.



– Оно очень милое, Энни, но совсем не белое. – Реджи критически рассматривал сквозь очки темно-голубое платье племянницы.

– Не хочешь же ты, чтобы я вырядилась в белое, как какая-нибудь дебютантка, только что вышедшая из-за школьной парты, дядя Реджи? Господи, мне ведь уже двадцать три года!

– Я подумал, что следует придерживаться традиции и в первый раз выйти в здешний свет в платье соответствующего цвета. Все юные леди, насколько мне известно, впервые показываются в свете на открытии сезона в опере. Там будет море белого и, возможно, всего лишь одно пятнышко темно-голубого.

– Прекрасно, – ответила Энни, надевая золотой браслет поверх перчатки, которая доходила ей до локтя. – Мне не хотелось бы выглядеть еще одним клочком пены на поверхности этого белого моря. Мне нравится отличаться от других. Если же там действительно будет так много совсем молоденьких девиц, то лучше мне надеть что-нибудь оригинальное, чтобы выделяться из толпы. Старая дева вроде меня должна любыми средствами привлекать к себе внимание!

– Какая глупость! – раздался мощный голос Кэтрин, и вслед за этими словами она появилась на пороге гостиной. –

Ты всегда будешь оригинальна, дорогая, вне зависимости от того, какое выберешь платье. Ты прекрасна. Ты пошла в мою породу.

– Ты тоже замечательно выглядишь, тетя Кэтрин, – отозвалась Энни, оценив ее наряд. – В фиолетовом ты настоящая королева.

– Я думаю, что это из-за роста и груди, – согласилась Кэтрин, поправляя волосы, подобранные наверх и уложенные в нарочито простую прическу, которая подчеркивала строгую элегантность ее платья и пелерины.

– Эхм. – Реджи сдавленно хмыкнул и покраснел.

– В чем дело, Реджинальд? – Кэтрин обернулась и смерила его взглядом с головы до пят. Реджи смущенно теребил ус. – Ах да, конечно. Ты тоже наряжен. Всем мужчинам очень идет черный цвет.

– Господи, неужели ты думаешь, что я ждал комплимента? – Он взволнованно переминался с ноги на ногу.

– Но если тебе не хочется быть замеченным и обласканным вниманием, почему ты так странно кашляешь?

– Если хочешь знать, я категорически возражаю против твоего использования слова «грудь» в такой грубой и непристойной манере, не говоря уже о смешанной компании!

– Боже, да ты настоящий ханжа, Реджинальд! Ты считаешь, что Энни никогда прежде не слышала этого слова? Ты очень сдержан, но ради собственного блага больше не возражай. Если ты в своем преклонном возрасте никогда не слы-

шал, чтобы в женском обществе произносилось это слово, мне тебя искренне жаль.

– Избавьте меня от вашей жалости, мадам, – сухо отозвался Реджи с видом оскорбленного достоинства. – Я горжусь своим незапятнанным прошлым, и мне не в чем себя упрекнуть. Хотя оно, вероятно, кажется вам не таким бурным и насыщенным событиями, как ваше. Мы поедем в оперу наконец? Надеюсь, леди, я буду избавлен от ваших оскорблений и вольности манер в таком многолюдном и почтенном месте, как театр?

Реджи бросил устрашающий взгляд на Энни. Он понимал, что никаким влиянием на Кэтрин не обладает и что к ее манерам, вероятно, относятся с терпимостью в том кругу, в котором она вращается уже двадцать лет. Но мнение, которое сложится в свете об Энни, ему было небезразлично. А сегодняшний выезд в оперу во многом повлияет на то, как ее примут в наиболее предпочтительных кругах Нового Орлеана.

Энни не была уверена, что ее и дядюшкины представления о «предпочтительных кругах» совпадают, но не хотела спорить и расстраивать его перед самым отъездом в оперу. Она ласково улыбнулась и ответила как следовало:

– Я буду вести себя как ангел, дядя.

– Тогда пошли? – с облегчением вздохнул Реджи и предложил ей руку. – Экипаж ждет уже четверть часа.

Энни просунула руку в перчатке под локоть Реджи. Он

вел ее через холл к входной двери, когда она сжала его руку и с улыбкой спросила:

– Ты ничего не забываешь, дядя?

– Гардения в петлице, театральный бинокль, деньги, чистый платок в кармане, – нахмурившись, пробормотал он. – Что же я мог забыть?

– Эхм!

Они обернулись на Кэтрин, которая так талантливо его передразнила. Она поджала губы, скрестила руки на груди и, уставившись в потолок, нетерпеливо постукивала носком туфли по персидскому ковру. Лучшего напоминания о том, что – вернее, кого – он забыл, невозможно было представить.

Выше всех своих достоинств Реджи ставил безупречные манеры джентльмена. Снова зардевшись, как роза – в последнее время этот цвет лица стал для него обычным, – Реджи предложил Кэтрин другую руку. Сделав это, он еще раз откашлялся, поймал себя на этом и покраснел еще сильнее.

– Да... э... Кэтрин, почему бы нам... хм... уже не поехать?

Кэтрин ослепительно улыбнулась, как царственная особа, дарующая милость мелкой сошке. Она величественно преодолела несколько шагов, отделяющих ее от Реджи, и протянула ему руку, зажав в другой набалдашник своей вездесущей трости. Энни благодарно сжала локоть Реджи, и они втроем двинулись через холл под шуршание шелка и беско-

нечное поскрипывание новых модных бальных туфель.

* * *

Люсьен приехал в оперу с опозданием. Денди Делакруа считал пунктуальность старомодной. Он сразу направился в отцовскую ложу, намереваясь пробыть там первый акт, а потом потихоньку улизнуть и отправиться в домик на Рампарт-стрит, чтобы утонуть в страстных объятиях своей любовницы. После того как он узнал о последних злодеяниях Бодена, у него пропало всякое желание сплетничать и изображать светского льва в кругу своих «друзей».

В отблеске множества свечей четыре кольца с бриллиантами сверкали на его руке. Перед задрапированным входом в ложу он задержался, чтобы поправить галстук и взбить кружева на белой шелковой рубашке. В петлице его черного вечернего сюртука была белая роза. Последний глубокий вздох – и он готов предстать перед своим семейством.

Люсьен проскользнул внутрь и быстро оценил ситуацию перед тем, как обнаружить свое присутствие. На спектакле, кроме отца с матерью, присутствовали его младший брат Этьен и одна из нескольких сестер, Рене. Для Рене, которой в прошлом месяце исполнилось шестнадцать лет, это был первый выход в свет. Как и остальные его сестры, она была красива – высокая, гибкая, темноволосая.

В первом же антракте ложу начнут осаждать лощеные ка-

валеры, претендующие на ее внимание и благосклонность. Шампанское потечет рекой, пестрым веером конфетти начнут сыпаться комплименты. Уже за сегодняшний вечер она получит несколько предложений, а затем Жан-Люк Делакура, тщательно оценив состояние и генеалогию каждого претендента, сделает выбор вместо Рене. Будет объявлено о помолвке, и она в должное время выйдет замуж по истечении традиционного срока обручения. И хотя Рене отличается от своих сестер, она беспрекословно смирится с волей отца, потому что так принято.

Мать, обернувшись, поманила к себе Люсьена. Он шагнул вперед, поцеловал сестру в щеку, поклонился Этьену, который ответил на его приветствие сдержанным кивком, и занял место рядом с матерью в первом ряду. Этьен критически относился к бесшабашному образу жизни Люсьена и при любом удобном случае демонстрировал свое неодобрение.

Отец изучал публику, разглядывая зал в бинокль, и не обращал внимания ни на великолепную арию, звучавшую со сцены, ни на присутствие сына.

– Мама, ты выглядишь очаровательно, как всегда.

– Люсьен, как я рада тебя видеть! – Она ласково улыбнулась и похлопала его по колену веером, усыпанным жемчугом. Произведя на свет двенадцать детей, из которых только семеро не умерли в младенчестве, Мари Делакура сумела сохранить многие черты молодости и была довольно привлекательна. Ее темные волосы лишь едва тронула седина, а грудь,

стянутая корсетом, была лишь на несколько дюймов полнее, чем тридцать пять лет назад, когда она выходила замуж.

– Вы успели устроиться, мама?

– После того как я столько лет подряд каждую осень заново обживаю городской дом, мне удалось усовершенствовать этот процесс. Вот почему отец настоял, чтобы мы оставались в Бокаже вплоть до открытия сезона в опере. Он считает, что приезжать раньше бессмысленно. Ты знаешь, как он любит поместье.

Люсьен покосился на строгий профиль отца с густыми, зачесанными наверх волосами над высоким лбом, с тонкими, упрямо поджатыми губами.

– Как папа?

– Не так хорошо, как он старается выглядеть, – прошептала мать, нагнувшись к уху Люсьена. – Иногда задыхается. Я опасаюсь за его сердце.

– Жаль слышать это.

– Люсьен, ты так редко приезжаешь в Бокаж!

– Я бываю там так часто, как того требуют дела.

– Ты знаешь, что отец был бы рад, если бы ты приехал просто для того, чтобы повидаться с ним.

– Мама, ты ошибаешься, если думаешь, что мое общество так приятно отцу. Мы можем обсуждать урожай, а сказать друг другу нам нечего. Он не станет говорить со мной о своем здоровье, а я привык не задавать вопросов, чтобы не нарваться на скандал.

– Он был бы так счастлив... – Она замолчала и порывисто сжала его руку, так что острые грани бриллиантов врезались в его пальцы. – Мы оба были бы так счастливы, если бы ты женился в этом году, Люсьен.

– Ты хочешь дискутировать на эту тему, мама? – беспечно усмехнулся он.

– Люсьен, ты виделся с Лилиан Шевалье с тех пор, как они приезжали к нам прошлой весной? Она так повзрослела, похорошела. Вот, возьми мой бинокль и посмотри на нее. После Рене, по-моему, это самая красивая девушка из присутствующих здесь.

Он нехотя взял из рук матери бинокль. И вдруг вспомнил, что у Кэтрин Гриммс тоже есть ложа в театре и что она неизменно бывала на открытии сезона. Погруженный в тягостные раздумья по поводу убийства в Бель-Флер, Люсьен упустил из виду, что может увидеть здесь Энни Уэстон. От этой мысли сердце его воспарило под своды оперы Нового Орлеана. Он вцепился в бинокль с мальчишеским нетерпением, которое испугало его самого.

Повинуясь чувству долга, он сначала направил бинокль на ложу Шевалье. Люсьен быстро нашел ее, следуя подробным указаниям матери, и бегло осмотрел мадемуазель Шевалье. Она была вполне хорошенькой, пухлой в нужных местах, краснотубой, темноволосой, одетой в традиционное белое платье. При этом живости и подвижности в ней наблюдалось не больше, чем в мраморной статуе.

– Хороша, правда, Люсьен? Считаешь ли ты, что она очень мила?

Но Люсьен уже направил бинокль правее и выше ярусом. Он любовался прекрасным видением в темно-голубых тонах, восхитительной девушкой, на губах которой играла улыбка, а глаза возбужденно искрились. Среди гостей Кэтрин Гриммс, которых она пригласила в свою ложу, Энни Уэстон выделялась, как дикорастущая роза среди полевых маргариток.

Она была именно такой, какой он ее запомнил, но еще более желанной. Рядом с ней сидел человек, репутация которого была хорошо известна Люсьену, – Джефффри Уиклифф, репортер американской газеты «Пикайун». Они о чем-то шептались и смеялись как старые друзья.

– Люсьен, что ты думаешь о ней? – толкнула его мать.

– Я думаю, что она прекрасна, – искренне отозвался он, не спуская глаз с Энни.

– Я знала, что она тебе понравится. Ты заглянешь к ней в ложу в антракте?

– К кому, мама?

– А о ком ты думаешь? Ты собираешься нанести визит Шевалье?

– У меня не будет времени. – Люсьен протянул матери бинокль.

– Почему?

– Потому что у меня назначена деловая встреча.

– Но, Люсьен, ты же можешь зайти ненадолго, только чтобы сказать bon soir?⁸

– Вот увидишь, к ней в ложу потянется вереница поклонников, чтобы сказать bon soir. Уверен, что я не затеряюсь в этом столпотворении.

– Тем более тебе следует пойти. Или ты хочешь уступить такую хорошенькую девушку кому-то другому?

Люсьен всерьез задумался над этим вопросом. Разумеется, у него не было шансов помешать Энни Уэстон влюбиться в кого-нибудь из многочисленных соискателей ее благосклонности. У него не было на это права, как и желания увиливаться возле нее. Но он испытывал страстное желание быть рядом с ней. Теперь, снова увидев ее, Люсьен понял, что готов многим пожертвовать ради того, чтобы провести с ней несколько бесценных мгновений. Пусть даже она возненавидит его за это.

Первый акт окончился, бархатный занавес упал на сцену. Люсьен встал, поцеловал на прощание мать, обменялся для приличия любезностями с отцом, братом и сестрой и вышел из ложи, прежде чем в нее хлынули первые поклонники Рене. Он вышел в фойе, быстро поднялся на ярус, где была ложа Кэтрин Гриммс, и, пробормотав себе под нос: «Будь проклята осторожность!» – вошел внутрь.

⁸ добрый день (фр.).

Глава 5

– Мистер Уиклифф, вы вынудили меня рассказывать о себе на протяжении всего первого акта! – весело воскликнула Энни. – Вы меня смутили, и дядя Реджи смотрит неодобрительно.

– Надеюсь, он не станет журить вас из-за меня. Клянусь, я никогда не думал, что так люблю «Севильского цирюльника».

– Вы всегда находите нужный ответ? – заметила Энни.

– Вы же знаете, я писатель, – улыбнулся в ответ Джефффри Уиклифф, и в уголках его карих глаз появились лучики морщин. – В опере я всегда чаще с кем-нибудь разговариваю, чем слушаю спектакль, но никогда прежде мне не везло оказаться рядом с очаровательной девушкой, которая была бы так увлечена происходящим на сцене, мисс Уэстон.

– Вот как! А разве вам не понравилась опера? – рассмеялась Энни. – Как неучтиво с вашей стороны признавать это! Впрочем, мне очень приятна ваша искренность, которая давно вышла из моды. Но скажите, если вы не поклонник драмы и музыки, то зачем пришли сюда?

Энни почувствовала, что кто-то вошел в ложу, но не хотела прерывать разговор с мистером Уиклиффом и предпочла не замечать визитера как можно дольше, насколько допускали рамки приличия.

– Я хожу в оперу, потому что так принято. Мне нравится наблюдать высшее общество, когда публика, причудливо украшенная драгоценностями, разыгрывает заранее расписанные роли. Мною движет природное любопытство журналиста.

– И природный цинизм, я полагаю. – Энни бросила на него пронизывающий взгляд. В черном вечернем костюме и с традиционной белой гардений в петлице, он казался ей не таким, как все. К его прямым, песочного цвета, волосам, к открытому, привлекательному, чисто американскому лицу с ясными глазами и квадратным подбородком больше подошли бы высокие ботинки и штаны из кожи буйвола. – Однако вы одеты как и другие, мистер Уиклифф... А вы какую роль играете?

– Я – хамелеон, мисс Уэстон, – доверительно сообщил он ей, понизив голос. – Я умею приспосабливаться к окружающему ландшафту. Я вписываюсь в любую обстановку, где бы ни оказался, но при этом никакой роли не играю. Я всегда остаюсь самим собой.

– А кто вы?

– Ничего выдающегося. Простой сирота из Балтимора, который обладает сноровкой водить пером по бумаге.

– Почему вы уехали из Балтимора?

– Там мне нечего делать, – пожал широкими плечами Джеффри. – У меня нет семьи, состояния тоже нет. Я поехал туда, где надеялся чего-то добиться в жизни. И вот я здесь.

– Вы – амбициозный человек.

– Очень. Потому что у меня нет выбора.

– А вам бы хотелось его иметь?

– Разумеется, я нахожу увлекательным то, что мне приходится обламывать ногти и зубы, карабкаясь вверх по скале жизни. – Его глаза весело блеснули.

– Вы дразните меня, но я, однако, чувствую, что вы продолжаете говорить правду.

Он снова уклончиво пожал плечами и застенчиво улыбнулся.

– Новый Орлеан – удивительное место, – сказал он. – Он стоит на почве, которая таит в себе источник глобальных перемен. Писать об этих грядущих переменах и, может быть, отчасти провоцировать их своим пером – это невероятно занимательно.

– Я читаю все ваши статьи с тех пор, как приехала сюда. Мне понятно и близко все, что вы пишете, в частности о проблеме рабства и аболиционизме. Особенно мне нравятся ваши отчеты о смелых набегах Лиса. – При этих словах Энни почувствовала, что ее щеки и шея стали пунцовыми. Всякий раз при мысли о Ренаре она вспыхивала, как школьница, хотя уже прошло две недели со дня их встречи на пароходе.

К счастью, Джеффри не заметил в ней этой перемены. Он вдруг заговорил серьезно, отбросив даже тень насмешки:

– Я уважаю и высоко ценю этого человека. Если бы мне не был присущ цинизм, я назвал бы Ренара героем на все

времена.

– Не допускайте, чтобы цинизм помешал вам прийти к такому естественному умозаключению, мистер Уиклифф, – сказала Энни, радуясь тому, что нашла единомышленника. Она доверительно склонилась к его плечу и импульсивно сжала его руку. – Потому что Ренар действительно герой.

– Кого вы назвали героем, мадемуазель Уэстон? Может быть, вы говорили обо мне?

Энни подняла голову и увидела перед собой насмешливые глаза Люсьена Делакруа. Она не видела его с тех пор, как сошла на берег с «Бельведера». Все это время она пыталась забыть о его существовании, но безуспешно. Ее против воли тянуло к этому человеку, и она укоряла себя за то, что поддалась его внешнему мужскому обаянию. После того как ее поцеловал по-настоящему сильный, отважный мужчина – Ренар, – такая слабость казалась ей неуместной и непростительной.

Люсьен Делакруа был в этот вечер еще более неотразим. И казался самодовольным. Его сардонический взгляд на какое-то время приковал ее к месту, но Энни отвела глаза и посмотрела с некоторым удивлением на свою руку в перчатке, которая все еще покоилась на локте Джеффри Уиклиффа.

Энни заметила, что Люсьен не одобряет такого проявления дружеской близости, и рассердилась. Какое он имеет право судить ее? Если ей нравится свободно держаться с мужчиной, с которым она только что познакомилась, то это

не его дело. Движимая праведным гневом, она продержала свою руку на локте Джеффри еще несколько мгновений, после чего протянула ее Делакруа с вызывающей улыбкой:

– Мистер Делакруа, рада видеть вас снова.

Он поцеловал ей руку, и прикосновение его губ вызвало странную дрожь во всем ее теле.

– А я рад видеть вас, мадемуазель. Вы, как всегда, похожи на чудесное видение. Надеюсь, вы удобно устроились в своем новом доме?

– Спасибо, вполне удобно. Вы знакомы с мистером Уиклиффом?

Делакруа смерил Джеффри надменным, нетерпеливым взглядом, словно не желал брать на себя труд знакомиться с ним. Джеффри поднялся, и они пожали друг другу руки.

– Мы уже встречались с месье Уиклиффом.

– Да, встречались. Я делал репортаж об игорных домах Нового Орлеана, и мистер Делакруа фигурировал в нем чаще других.

Делакруа вежливо улыбнулся, очевидно, не придавая никакого значения унижительной характеристике, которую ему дал Джеффри.

– Помнится, в ту ночь мне чертовски везло. Если бы вы задержались подольше, то смогли бы включить в свой репортаж отчет о вечеринке, которой я отпраздновал выигрыш. Нынешний читатель любит сообщения обо всем, что отдает дебоширством. Такие новости лучше продаются, не так ли?

Джеффри поджал губы и не ответил. Энни вынуждена была признать, что Делакруа сумел побить противника его же оружием. Конечно, он был грубияном, но, без сомнения, умным. Делакруа медленно перевел взгляд на нее. Его глаза лукаво сияли и в полумраке ложи казались такими же черными, как его сюртук.

– А что думаете о дебоширстве вы, мадемуазель Уэстон?

– У меня мало опыта в подобных делах, – натянуто ответила она, не сомневаясь, что ее тон позабавит Делакруа.

– Человек, не имеющий возможности вести разгульную жизнь, может по крайней мере прочесть о тех, кто такую жизнь ведет. Позвольте мне поставить вопрос иначе. Вам нравится читать скандальную хронику?

– Я всегда предпочитала романы газетам, – призналась она, сдерживая улыбку и ненавидя себя за то, что находит его таким привлекательным. – Но в романах те, кто ведет недостойную жизнь – а именно дебоширы и повесы, – обычно в конце погибают.

Делакруа глубокомысленно кивнул, и при свете свечей стало особенно заметно, какие густые и пышные у него волосы.

– Я считаю, что это очень верно и поучительно для юношества. Но мистер Уиклифф пишет о реальной жизни и реальных людях. А газеты часто свидетельствуют о том, что плохие люди обычно уходят от ответственности и никогда не расплачиваются за свои преступления.

– Именно поэтому нам нужны герои, мистер Делакруа, – сказала Энни. – И один из них Ренар. Мистер Уиклифф постоянно пишет о нем. Вы знаете, кого я имею в виду?

– Ренара знают все. Мне он представляется глупцом, который рискует собственной шкурой неизвестно во имя чего.

Энни тут же рассердилась и готова была завести свой любимый спор о несправедливости рабства и необходимости его отмены, но Делакруа успел аккуратно направить разговор в другое русло:

– Как вам понравился Новый Орлеан? Похоже, что Новому Орлеану вы понравились. – Он кивнул в сторону двери, через которую в ложе появилось довольно много мужчин, спешащих представиться Энни. Здесь были также три дамы, которые смотрели на Делакруа как на большую конфету. Кэтрин задержала их у входа, пока Реджи разливал шампанское. Энни подивилась тому, что Делакруа удалось беспрепятственно миновать кордон, выставленный ее словоохотливой тетушкой.

– Все, что я успела увидеть, мне понравилось. Но к сожалению, я пока видела немного. Тетя Кэтрин все это время была очень занята хлопотами по дому и неотложными визитами. Мне бы хотелось осмотреть город, но дядя Реджи не позволяет выезжать одной – даже в сопровождении камеристки и двух лакеев, – а сам составить мне компанию отказывается. Он говорит, что сейчас слишком жарко для прогулок по городу.

Энни поймала себя на том, что в ее голосе невольно прозвучали жалобные нотки, и решила исправить положение. Ей не хотелось казаться неблагодарной.

– Дядя еще не привык к климату, – добавила она бодро. – Иногда мне жалко, что я не родилась мужчиной и не могу делать то, что хочу. Тогда я никому не была бы в тягость!

– Вашего дядю не в чем винить, – сказал Делакруа, щелчком сбросив с рукава едва заметную пылинку, после чего снова обратил на нее пристальный взгляд. Его улыбка была ленива, а в глазах сверкало лукавство. – Такая очаровательная английская девушка не продержится и десяти минут на улицах суматошного и склочного Французского квартала.

– Послушайте, Делакруа... – начал было возражать Джефффри. Манера Делакруа выражаться прямолинейно действительно была не вполне учтивая, но Энни это нравилось.

– И что бы вы мне посоветовали? – спросила она Делакруа.

Он склонил голову набок и прищурился, изучая ее. При свете свечей четко обозначилась линия его мужественного подбородка.

– Я предложил бы вам себя в качестве эскорта, но вы знаете, что в обществе такого дебошира, как я, вы будете в еще большей опасности.

– Разумеется, – пробормотала Энни и почувствовала мгновенную произвольную дрожь.

Их глаза встретились на довольно продолжительное вре-

мя, но он взял себя в руки и, приняв небрежную позу, произнес с нарочитой медлительностью:

– Так что советую вам, мадемуазель Уэстон, слушаться старших.

– Если бы я была двадцатитрехлетним мужчиной, мне позволяли бы выходить из дома без охраны, – возмутилась Энни. – Это несправедливо!

– Но вы не мужчина, и я чрезвычайно рад этому факту. – Делакруа приложил правую руку к белоснежным кружевам на груди, поклонился, прикрыв глаза, желая тем самым выразить восхищение и уважение к ее полу. Его густые ресницы при этом отбрасывали на щеки длинные тени.

Как и раньше, инстинктивное, безотчетное влечение к этому красивому мужчине испугало Энни и заставило ее сердце биться учащенно. Она рассердилась на себя и обернулась к Джеффри, надеясь путем сравнения – один из них благороден, другой – отъявленный подлец – отвлечься от неприятных ощущений. Отодвинувшись в сторону от Делакруа, словно опасаясь его «подлого» присутствия, она заметила, что Джеффри смотрел на него со смешанным чувством ненависти и... зависти. Нет, на его помощь рассчитывать не приходилось.

– Мисс Уэстон – сторонница равноправия женщин, Делакруа, – сказал Джеффри. – В нашей дискуссии во время первого акта она высказала мнение, что женщины должны обладать теми же правами и свободами, что и мужчины. – Он

с улыбкой повернулся к Энни: – Однако я согласен с вашим дядей. Избирательное право – это одно, и здесь я полностью разделяю вашу точку зрения, а прогулки по городу без эскорта – совсем другое.

Энни выслушала его слова с разочарованной улыбкой, слегка склонив голову набок. Ей было проще принимать советы со стороны любого другого мужчины, но только не от Делакруа, который обладал способностью выводить ее из себя, не прилагая особых усилий.

– И почему я нисколько не удивляюсь тому, что мадемуазель Уэстон ратует за право женщин принимать участие в выборах? – с ленивым любопытством и невыносимой снисходительностью в голосе спросил Делакруа. – Наверное, потому, что она очень отличается от традиционного идеала женщины, который принят у креольских мужчин.

– Вы раните меня в самое сердце, сэр, – ответила Энни с едким сарказмом. – Поскольку, да будет вам известно, я больше всего на свете мечтаю походить на креольский идеал женщины.

Ее поразил хохот, которым вдруг разразился Делакруа. Широко раскрыв глаза, она смотрела, как содрогается его мощная шея – он смеялся, запрокинув голову, – и не переставала изумляться такой безудержной энергии, которая казалась странной в таком лентяе. Ее заворожили открывшиеся в блистательной улыбке белоснежные зубы, мощный торс, волна черных волос, упавших на лоб. Эта оживленная реак-

ция на ее слова была ей приятна и – как стало понятно в следующий момент – оскорбительна.

В том, что она сказала, не было ничего смешного, а он продолжал хохотать. Энни поняла, что он смеется над ее современными взглядами на женское равноправие, которое стояло в одном ряду с ее представлениями о правах человека вообще. «Как легко ему смеяться над моими убеждениями, когда он не имеет собственных», – возмущенно подумала она.

Он, без сомнения, считал ее напыщенной, эмансипированной англичанкой. Она его считала грубияном.

В этот момент три дамы протиснулись наконец в глубь ложи и обступили Делакруа. Почувствовав, что задыхается от обилия пышных юбок из тафты и шелка, Энни поднялась и, подойдя к Джефффри, машинально взяла его под руку.

– Делакруа, – кокетливо протянула блондинка, вцепившись в его локоть, – Расскажи, что это так тебя развеселило?

– Да, Люсьен, – прильнула к нему другая, брюнетка. – Наверное, что-то необычайно смешное. Мне так нравится твое чувство юмора, проказник!

Третья вертелась тут же, готовая подхватить Делакруа, если бы у него вдруг выросла еще одна рука. Очевидно, что все они явились в ложу вовсе не для того, чтобы познакомиться с Энни. Они пожаловали сюда из-за Делакруа.

Мгновенно перестав смеяться, он похлопал по дамской ручке, затянутой в перчатку, которая лежала у него на локте:

– Мы нарушаем изысканную благопристойность оперной
ложи мадам Гриммс, леди. Предлагаю выйти в фойе, где ни-
кто не помешает нам веселиться, как нам хочется. – И до-
бавил, склонившись к самому уху брюнетки: – Или как мы
осмелимся.

– Дорогой Люсьен, – она погладила его по руке, – с тобой
я готова идти куда угодно!

Делакруа лукаво улыбнулся, кивнул и подмигнул Энни на
прощание, после чего пронесся мимо к выходу с двумя да-
мами, повисшими у него на локтях, и еще одной – ей повез-
ло меньше, – которая волочилась сзади, пожирая его влюб-
ленными глазами. Едва переступив порог ложи, все четверо
расхохотались с новой силой.

– Господи! – потрясенно прошептал Реджи, украдкой под-
ступив к Энни. – Что за отвратительные манеры!

– Ничего другого ожидать от Делакруа не приходится, –
отозвался Джеффри, презрительно хмыкнув. – Не понимаю,
что все эти дамочки в нем находят – не считая его денег,
конечно.

Энни безошибочно распознала зависть в его тоне, хотя
он вроде бы откровенно ненавидел Делакруа. Она не могла
разобраться в своих чувствах. Конечно, она была оскорблена
его снисходительностью и пренебрежением. Делакруа задел
ее самолюбие. Но почему этот человек обладал такой вла-
стью над ней?

– Энни, дорогая, здесь множество моих друзей, с кото-

рыми я хочу познакомить тебя. – Голос Кэтрин ворвался в поток ее бессвязных мыслей, и только теперь она заметила, что в ложе толпятся щегольски одетые кавалеры, которым не терпится обратить на себя ее внимание. И еще она заметила, что по-прежнему держится за локоть Джеффри Уиклиффа.

Энни смутилась. Она бросила взгляд на Джеффри, увидела, что он смотрит на нее с усмешкой, и поспешно отняла руку, – Простите, мистер Уиклифф, – шепнула она ему. – Я несколько растерялась и забылась.

– Вы нравитесь мне больше всего, когда забываетесь, мисс Уэстон, – прошептал он в ответ.

Энни невольно улыбнулась, что было очень кстати, поскольку ритуал знакомства требовал благорасположенного выражения лица.

* * *

– Что стряслось, cher?⁹ – Золотисто-карие глаза Микаэлы полны здорового любопытства и сострадания.

Она протянула руку и убрала прядь волос со лба Люсьена. Они сидели на диване в ее маленькой, уютно обставленной гостиной. Роскошное тело Микаэлы прикрывал пленительно прозрачный пеньюар, который Люсьен сам выбрал для нее, но с тем же успехом на ней мог быть надет балахон из дерюги.

⁹ дорогой (фр.).

– Ничего, Микаэла, – ответил Люсьен, нагнувшись и обхватив голову. – Просто устал.

Повисла долгая пауза, которую осторожно нарушила Микаэла:

– В последнее время ты очень устаешь, Люсьен.

– Да.

Что еще он мог сказать? Лучшего оправдания не придумать. Сначала он старался как можно больше времени проводить в постели с Микаэлой, чтобы не думать об Энни, но оказалось, что это не помогает. А за последнюю неделю – задолго до их вчерашней встречи в опере – он совершенно утратил желание заниматься с Микаэлой любовью. Как можно объяснить любовнице, что тебе хочется просто... поговорить?

После отвратительной сцены в театре, когда он так грубо оставил Энни, Люсьен считал себя негодяем. Он причинил ей боль – это было видно по ее глазам. Но он почувствовал тогда, что сползает, сползает... в пропасть, с существованием которой не может смириться в такой сложный период своей жизни. Ему слишком сильно нравилась Энни Уэстон, и если бы он провел с ней в ложе еще несколько минут, то не исключено, что готов был бы наброситься на нее и повалить на пол с порочными намерениями. Он поступил с ней грубо в целях самообороны, убравшись оттуда как можно быстрее, хотя и произвел неприятное впечатление.

– Ты сегодня какой-то сердитый, Люсьен. На меня, cher? –

Микаэла погладила его по руке.

– Нет, не на тебя. На себя самого. – Люсьен выпрямился, взял ее руку и рассеянно сжал в ладони.

– Почему? Ты сделал что-то дурное?

– Да. – Он криво улыбнулся. – Ты удивлена?

Она улыбнулась в ответ, ободрившись, и придвинулась к нему ближе.

– Я могу сделать так, чтобы ты забыл об этом... – Она обняла его за шею и поцеловала.

Люсьену это было безразлично.

Микаэла изумленно отстранилась. В постели она была необычно, невероятно красива и восхитительно откровенна. Но это не Энни. Люсьен на мгновение прикрыл глаза, представляя, что она – Энни. Воображение уносило его все дальше, и он представил себе золотистые волосы Энни, разметавшиеся по подушке, страстно сверкающие голубые глаза, нежный, влажный язычок, умолкнувший от его поцелуев...

– Люсьен?

Он открыл глаза. Микаэла пересела на подлокотник дивана и издали наблюдала за ним.

– Прости, – сказал он, понимая, что извинение неуместно, но не знал, что еще сказать.

– Все в порядке, cher, – ответила она. – Расскажи мне о ней.

– Неужели это так заметно? – смущенно улыбнулся он.

– Да. Итак, расскажи мне о ней. Я выслушаю тебя.

– Нет, я не хочу говорить о ней. – Люсьен покачал головой. Ему не следовало не только говорить, но даже думать об Энни. Он благодарно улыбнулся Микаэле: – Спасибо тебе за понимание. Но сейчас единственное, чего мне по-настоящему хочется, – это чашечка крепкого кофе.

– Все, что хочешь, cher. – Она с улыбкой поднялась и отправилась на кухню.

* * *

Энни печально вздохнула, глядя в окно. Их экипаж медленно ехал по Французскому кварталу к дому. Шел дождь, дорогу покрывал толстый слой грязи, в сточных канавах бурлила глинистая вода. Город освещали масляные лампы, висящие на цепях на каждом перекрестке.

Реджи дал понять Энни, что не одобряет то, как она повела себя с Уиклиффом, позволив ему завладеть ее вниманием на весь вечер. Энни не могла придумать подходящего оправдания, поскольку понимала, что проявила безответственность, уделяя Джеффри слишком много времени.

Возможно, она пробудила в нем романтические чувства, импульсивно опершись на его руку, когда Делакура так бесцеремонно покинул ложу. А до этого она прикасалась к его руке, позволив себе против всяких приличий затянуть это прикосновение только для того, чтобы досадить Делакура. Странно, что Люсьен побудил ее повести себя несвойствен-

ным для нее образом, только чтобы вызвать его раздражение. Энни не могла объяснить этого не только Реджи, но и самой себе.

Так что ее поведение с Джеффри было понятнее ей, чем Реджи. Дядя снобистски отнесся к сиротскому прошлому Джеффри, а его неодобрение амбициозных намерений в отношении Энни пробудило в ней решимость узнать журналиста получше.

Поскольку Кэтрин на этот раз не вмешивалась в спор, Энни, устав от бурной дискуссии, постаралась ее прекратить. Она рассмеялась и откинулась на плюшевые подушки сиденья.

– Я польщена неусыпной, заботой обо мне, дядя Реджи, но ты слишком торопишься с выводами. Ты говоришь так, словно я собралась замуж за Джеффри Уиклиффа. Он мне нравится – очень нравится, – пожалуй, я даже восхищаюсь им, но я не сумасшедшая, чтобы выходить за него! Не волнуйся, я не стану спешить в таком важном вопросе, как брак.

Эти прочувствованные слова Энни окончательно успокоили Реджи. Он тоже с видимым облегчением откинулся на подушки, и его лицо растворилось в сумерках. Они продолжали свой путь к Фобург-Сент-Мэри в полном молчании, так что Энни имела возможность погрузиться в размышления о наиболее интересных мужчинах, с которыми она уже успела познакомиться в Америке. Джеффри, Ренар, Делакура. Да, Делакура.

Но прежде всего Джеффри. Он более других соответствовал тому образу мужчины, которого она надеялась здесь встретить. Он был самостоятелен, честолюбив и занимался важным делом. И конечно, он был привлекателен. Однако Энни истинную причину своего увлечения Джеффри предпочла мудро утаить от Реджи. Дело в том, что журналист и она были явными поклонниками Ренара. Энни понимала, что это достаточное основание для того, чтобы они стали друзьями. Но она сомневалась в том, что между ней и Джеффри возможны романтические отношения. Он не действовал на нее так, как Ренар, не заставлял ее сердце выпрыгивать из груди.

Ренар был ее романтическим идеалом. Их случайная встреча на «Бельведере» представлялась Энни чудесным осуществлением золотой мечты. Она не надеялась и не рассчитывала на то, что они встретятся снова. Но то, что она почувствовала в его объятиях, несмотря на краткость и мимолетность этих ощущений, совершило переворот в ее душе. Теперь она всегда будет других мужчин сравнивать с ним. Но при таком неизбежном и очень серьезном соперничестве разве обычный человек сможет завоевать ее руку и сердце?

Оставался Делакруа. Энни покачала головой и невольно улыбнулась, но улыбка ее была горькой. Ее огорчила его сегодняшняя выходка. Он оставался для нее человеком-загадкой. В нем было что-то, что волновало ее. Неужели это простое любопытство? Он, несомненно, очень умен... Может

быть, она очарована его умом? Или она настолько поверхностна, что может пренебречь его чванством, высокомерием, аморальностью и дурными манерами и увлечься его физической красотой?

Она терялась в догадках. Но Делакруа все же сумел затронуть ее сердце, и не единожды...

Энни закрыла глаза. Засыпая, она думала о том, что американские мужчины очень разные.

Глава 6

Косые лучи полуденного солнца падали на ярко-красный с фиолетово-синими разводами персидский ковер, которым был застлан пол в гостиной Кэтрин. Солнечный свет, преломляясь в стеклах высоких французских окон, подсвечивал картины с экзотическими сюжетами, причудливые безделушки и статуэтки, расставленные на маленьких столиках.

Возле дивана на чугунной подставке стояла ваза с розами, желтые бутоны которых гармонировали с цветом платья Энни. Она читала последнюю статью Джеффри в «Пикайун», а он внимательно наблюдал за ее реакцией. В гостиной стояла тишина, которую нарушали лишь шелест страниц и глухое тиканье бронзовых часов на мраморной каминной полке.

Закончив чтение, она свернула газету, отложила ее в сторону и, глубоко вздохнув, с улыбкой взглянула на Джеффри:

– Разве Ренар не великолепен? Неужели он действительно все это совершил? И скажите, Джеффри, как вам удастся первому узнавать о делах Лиса?

После трех недель почти ежедневного общения – они виделись не только в обществе и на частных приемах, но и в доме Кэтрин – Энни и Джеффри стали хорошими друзьями и называли друг друга по имени.

– На какой из этих вопросов ответить сначала? – усмехнулся он.

– На все по порядку.

– Хорошо. Ренар действительно великолепен. Мы всегда придерживались такого мнения. Да, он действительно устроил побег пятерым рабам из дома Латроба на Бурбон-стрит, из самого центра города, и остался при этом незамеченным. А что касается того, каким образом я узнаю новости раньше других... – Он пожал плечами.

– Вы мне не скажете? Как неучтиво с вашей стороны, Джеффри. – Энни шутливо ударила его по плечу. – Я думала, что мы давно уже делимся друг с другом всем.

– Нет, не всем, Энни. – Он бросил взгляд на дверь и понизил голос: – Мы, например, еще ни разу не целовались, и вовсе не из-за недостатка заинтересованности с моей стороны. Может быть, у нас просто не было возможности? Кстати, где наш старый сторожевой пес?

– Если вы имеете в виду дядю Реджи, то я тоже удивлена его отсутствием, – рассмеялась она. – Думаю, он непременно появился бы, если бы знал, что тетя Кэтрин выбирает в гардеробной шляпку и оставила нас наедине. Я полагаю, что она специально это устроила. Ее нет уже несколько минут.

– Я ей нравлюсь.

– Да, я знаю. Ей всегда нравились литературно одаренные мужчины. Но скорее всего она просто следит за тем, какие цветы собирают для кладбища слуги. Вы ведь знаете, что на День всех святых ей приходится украшать могилы трех мужей. Сегодня прекрасная погода, и все кладбище будет уто-

пать в только что срезанных цветах. Вы можете поехать с нами, Джеффри.

– Нет, благодарю вас, – поморщился он. – Я не люблю кладбищ, даже празднично украшенных. Поскольку у меня нет родственников, я избавлен от обязательных посмертных визитов к усопшим.

Энни вздрогнула и улыбнулась. Ей нравилась его манера изъясняться, но удивляла душевная черствость.

– Это очень бессердечно с вашей стороны.

– Да нет, просто откровенно. Возвращаясь к разговору о поцелуе... – Он снова покосился на дверь и подсел ближе на несколько дюймов. – Я нравлюсь вашей тете, а вам?

– Разумеется.

– Точнее, нравлюсь ли я вам настолько, чтобы вы захотели поцеловать меня? Если это так, то сейчас очень подходящий момент сказать мне об этом... и продемонстрировать.

Энни взглянула в полные страстного желания глаза Джеффри. Они были ясными, искренними, пылающими. Он действительно нравился ей. Но она не была уверена в том, что хочет с ним целоваться. Он взял ее руку и стиснул в своих прохладных и твердых ладонях. Она внимательно посмотрела на плосковатые кончики его пальцев, широкие суставы и чистые, коротко стриженные ногти. На большом пальце темнело чернильное пятно. По какой-то неуловимой причине она стала мысленно сравнивать руки этого честного работника с руками Делакура, которые больше походили на руки

художника или музыканта – тонкие, чувственные, сильные и вместе с тем грациозные.

– Энни, – ласково, но настойчиво обратился к ней Джеффри, – вы дали мне повод надеяться, что я могу стать для вас больше чем другом.

Он говорил правду. Она флиртowała с ним с того самого вечера, когда они впервые встретились в опере. Все это время она искренне полагала, что с радостью поцелует его, когда наступит подходящий момент. Но теперь она все больше склонялась к мысли, что не стоит этого делать. Вряд ли Джеффри смог бы когда-нибудь стать для нее больше чем другом. Во всяком случае, не так скоро.

– Джеффри, вы мне очень нравитесь. И я отношусь к вам не так, как к другим. Только...

– Только что, Энни? Я понимаю, что я не Ренар, но надеюсь, что вы нас не сравниваете. Ни один мужчина не выдержит сравнения с такой героической личностью.

Энни вспыхнула. Он невольно попал в самую точку. Она сравнивала его с Ренаром. Он не догадывался о том, что они с Ренаром встречались и что у нее может появиться возможность сравнить его поцелуй с поцелуем Джеффри. Энни понимала, что глупо проводить время в мечтаниях о романтическом разбойнике, особенно рядом с реальным мужчиной, наделенным множеством блестящих качеств. Возможно, Джеффри не удастся заставить ее сердце биться учащенно, потому что она просто привыкла к нему. Может быть, ес-

ли она его поцелует, то это изменит ее чисто платонические чувства к нему. В конце концов восторжествовала совесть: Энни решила, что должна ему по крайней мере один поцелуй.

– Хорошо.

– Вы хотите сказать, что позволяете мне поцеловать вас? –

Он замер.

– Именно. – Она закрыла глаза и приготовилась, но вдруг ей в голову пришла блестящая идея. Она открыла глаза в тот момент, когда Джеффри закрыл свои. – Только сначала скажите мне, как вы добываете информацию о Ренаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.